

Мария **Б**елахова

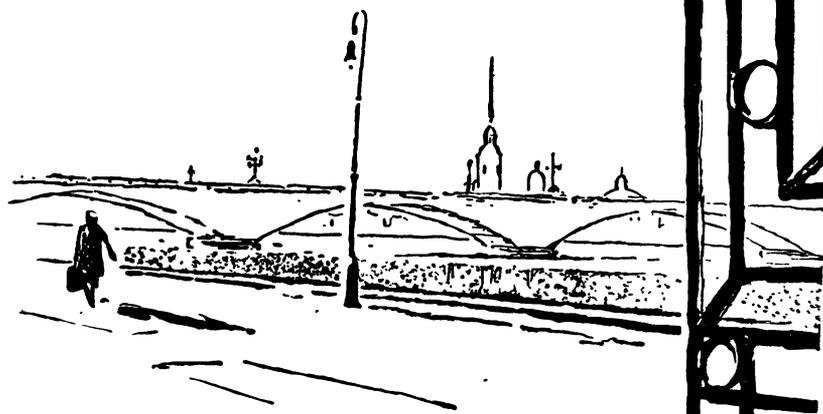
Дочь

ДЕТГИЗ-1961

МАРИЯ БЕЛАХОВА

Дочь

ПОВЕСТЬ

*Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР.
Москва 1961*

Началась война. Все пришло в движение, стронулось со своих привычных мест. Одни уходили на фронт, другие уезжали в эвакуацию. Там и тут люди теряли родных, близких, дорогих сердцу друзей.

Горе не обошло стороной и семью советского инженера Березова. В пути, когда Березовы эвакуировались из Ленинграда, заболел и умер их единственный сын Сережа.

Еще не кончилась война, когда Березовы взяли на воспитание трехлетнюю Наташу, осиротевшую в дни ленинградской блокады.

О том, как складывалась судьба Наташи в новой ее семье, какие переживания довелось испытать девочке и выросшим ее Березовым, и рассказывает повесть М. Белаховой «Дочь».

Рисунки И. Гринштейна

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Белахова Мария Андреевна

Д О Ч Ь

Повесть

Ответственный редактор *К. А. Черненко*. Художественный редактор *Н. И. Комарова*. Технический редактор *Р. И. Прозоровская*. Корректора *Е. С. Карташова* и *Э. Л. Лофенфельд*.

Сдано в набор 1/VII 1961 г. Подписано к печати 14/IX 1961 г. Формат 60 × 84¹/₁₆ — 6 печ. л. = 5,58 усл. печ. л. (4,77 уч.-изд. л.). Тираж 100 000 экз. А07862. Цена 24 коп.: Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза, Москва, Сушеvский вал, 49. Заказ № 1089.

Глава I

Казалось, что ничего страшного не случилось. Обычная маленькая ссора дочери с матерью. Дочь не убрала комнату, не вымыла посуду, а мать только что вернулась с работы, плохо себя чувствовала и раздраженно сказала:

— У тебя, Наташа, совсем нет совести! Бабушка больна, и вся тяжесть забот по дому легла на мои плечи. Я устала, не могу больше...

Наташа пожала плечиками:

— Я в этом не виновата. Ты сама взяла на себя такую тяжесть, как я. Я тебя об этом не просила.

Казалось бы, что мать должна была рассердиться на грубость дочери. Но Ирина Андреевна сначала растерялась, а потом вдруг испугалась. Сердце заколотилось часто, сильно.

— Что ты сказала?! — задыхаясь, спросила она.

— Я сказала, что ты сама взяла на себя такую тяжесть, как я. Я тебя об этом не просила... Но уж если взяла, так не упрекай меня в этом!

Бледная, готовая разрыдаться, Наташа, мельком взглянув на мать, ушла в кухню.

Да уж не послышалось ли матери? Неужели Наташа могла так сказать? Случайно вырвались у дочери эти слова или она вкладывала в них определенный смысл?..

Ирина Андреевна бессильно опустила на стул около окна и, положив руки на подоконник, стала успокаивать себя. Напрасно она волнуется. Наташа сказала дерзость и теперь, наверное, раскаивается. Слышно, как она гремит тарелками,— значит, моет посуду. Сейчас придет, поцелует и скажет, как маленькая: «Я больше не буду!..»

У Наташи переломный возраст. Всем родителям туговато приходится в эти годы. Ирина Андреевна, работая в старших классах школы, очень хорошо это знала. Но почему именно так сказала Наташа: «Ты сама взяла на себя такую тяжесть, как я. Но уж если взяла, так не упрекай меня в этом»?

Нет, напрасно мать успокаивает себя. Случайно так не скажется. Девочка, вероятно, искала повода, чтобы сказать эту фразу. За ней, за этой фразой, кроется многое — сомнения Наташи, душевная боль, желание узнать правду из уст матери.

Узнать правду...

Кто-то совершил подлость. Чья-то болтливость, а может, умышленное желание нанести удар нарушили покой девушки, ранили ее сердце. Не сегодня и не вчера отравлена жизнь дочери. За последнее время Наташа изменилась. Прежде была ласковой и доверчивой, а теперь стала замкнутой, молчаливой. Да и учится хуже. А ведь она в десятом, последнем классе и хочет держать конкурсный экзамен в педагогический институт!

Видно, пришло время рассказать Наташе эту правду. Жаль... Рановато, не сформировался еще человек. И трудно предвидеть, как примет она эту правду. Жалко дочь, жалко мужа. Ведь он так любит Наташу!

Но рассказать надо. Пусть дочь узнает истину от нее, от матери, из первого источника. Ирина Андреевна расскажет ей все, начиная с их первой встречи. С тех пор прошло почти че-

тырнадцать лет, а память хранит эти события так хорошо, будто все происходило вчера.

...Ирина Андреевна приехала в Ленинград в мае сорок четвертого года. Четыре месяца назад была прорвана блокада, которая терзала город девятьсот дней. Теперь Ленинград освобожден. Утихла канонада и опустели бомбоубежища. Лишь изредка завывали сирены, извещая население о злобной попытке врагов нанести еще один удар по измученному городу. По привычке, люди направлялись к убежищам, где недавно проводили большую часть времени. Но скоро раздавался отбой. Наши истребители и зенитки перехватывали воздушных разбойников на пути.

Город-герой после пережитой трагедии стоял опустевший и израненный. Вперемежку с уцелевшими домами торчали остатки стен когда-то стройных зданий. Многие дома остались без крыш, без окон и дверей — пустыми коробками. Некоторые улицы были еще завалены камнем и щебенкой разрушенных зданий. Деревья торчали опаленные и искалеченные.

На улицах Ленинграда, когда-то шумных и веселых, теперь встречались редкие прохожие. А детей и совсем не было видно. Непривычная тишина в городе и безлюдье постоянно напоминали о тысячах ленинградцев, погибших в блокаде от бомб, снарядов и голода. Но каждый день вокзалы Ленинграда волнами выплескивали сотни людей, возвратившихся к себе домой. И день ото дня все больше оживал город. Распахнулись окна уцелевших домов, выпуская сырость и холод нетопленных комнат. Задымили трубы многих заводов, открывались один за другим магазины, столовые, кинотеатры. Улицы оживали, на них появились новые автобусы, трамваи и даже такси.

Вместе с городом зажил веселой, шумной, многоголосой жизнью и особняк на канале Грибоедова. Возраст младших жителей этого особняка исчислялся месяцами. Старшими считались трехлетки. Но для всех этих малышей ленинградская весна сорок четвертого года была первой весной. Даже те, кто жил на свете всего четвертый год, впервые наслаждались весенним солнцем, впервые видели ручейки, почки на деревьях,

впервые трудились в чистом желтом песочке. И, уж конечно, впервые они выходили парами за ворота и с удивлением смотрели на быстрые машины, на взрослых, чужих, незнакомых людей. Вся предыдущая жизнь, до первой, радостной весны, проходила почти целиком в подвале этого дома, оборудованного под бомбоубежище.

Никто из малышей не помнил и не понимал того страшного кошмара, который они сами пережили, раньше чем попали в этот особняк. Только врачи и воспитатели знали, да и то не полностью, их трагедии. Одного нашли на улице голодного, полузамерзшего, другого — в обломках разрушенного дома, третьего взяли из постели, где лежала уже мертвая мать.

Лишь немногие назывались теми именами, которые им давались при рождении. Часто не удавалось установить, чей это был ребенок и как его зовут.

В особняке на канале Грибоедова и в других яслях и детских домах малыши пережили блокаду. Все лучшее, что получал блокированный город, что под непрерывными обстрелами и бомбежками перевозилось по льду Ладожского озера или на самолетах, все это город отдавал прежде всего обездоленным малышам, не успевшим по разным причинам эвакуироваться.

Шум больших улиц с грохотом трамваев и гудками машин почти не доносился до особняка, окруженного садиком. А когда в яслях наступал тихий час, здесь действительно было тихо. В такой час и пришла сюда Ирина Андреевна. Она не стала звонить, а потянула на себя большую, массивную дверь. Дверь оказалась незапертой, и Ирина Андреевна очутилась в вестибюле. В доме стояла полная тишина. Увидав впереди дверь с надписью «Главный врач», она постучала.

— Войдите! — послышался голос.

За письменным столом сидела пожилая женщина в белом халате, с седой головой. Ирина Андреевна подала ей направление из горздравотдела. Врач посмотрела на бумагу лишь мельком — ей хорошо были знакомы такие бумаги.

— Садитесь, — пригласила она Ирину Андреевну. — Подождите минутку, я закончу одно дело.

Мелким, убористым почерком она заполняла историю болезни. Ирина Андреевна оглядела кабинет: письменный стол, два стула, маленький диван, накрытый простыней, весы с корытцем вместо тарелок — для взвешивания малышей. Все окно заставлено цветами, за которыми, как видно, заботливо ухаживали.

— Я вас слушаю, — складывая папку, сказала врач.

— Я хочу взять себе ребенка...

Ирина Андреевна вдруг заволновалась. Ей стало трудно говорить, и она почувствовала, что вот-вот расплачется.

Но ее собеседница была человеком опытным. Она понимала состояние Ирины Андреевны и спокойным голосом, не торопясь стала говорить сама.

— Ну что же, это очень хорошее дело. К нам многие приходят. Я здесь работаю вот уже пятнадцать лет. И до войны брали на воспитание детей, а теперь и подавно! И мы рады этому. Осиротевшим детям нужна материнская ласка и родительская любовь... Сейчас, как вы, вероятно, поняли, дети спят, и у нас с вами все равно много свободного времени. Мне бы хотелось узнать, что толкнуло вас на этот шаг. Кого вы хотите взять — мальчика или девочку? Какого возраста? И, наконец, расскажите о себе. Мне надо знать, к кому попадет ребенок. Нам ведь это безразлично. Мы с этими детьми пережили так много тяжелого и страшного, что они всем нам, работающим в яслях, стали как родные.

— Я вас понимаю, — ответила Ирина Андреевна. — Ваше право задавать мне любые вопросы. Я на них отвечу.

Ей было нетрудно объяснить, почему она решила взять ребенка. Слишком много она об этом думала.

...В июле сорок первого года Ирина Андреевна эвакуировалась из Ленинграда в Казань вместе со своим единственным сыном, шестилетним Сережей. Ехать пришлось много дней в битком набитом вагоне. В пути мальчик заразился дифтерией. Ирина Андреевна сошла с поезда в маленьком городке, когда Сережа совсем задышался и был уже без сознания.

Машины около вокзала не оказалось. Какой-то старик со-

гласился довести ребенка до больницы на ручной тележке. Ирина Андреевна шла рядом с тележкой, положив руку на плечо мальчика. Дорога была неровная, пыльная. Временами измученная Ирина Андреевна брала сына на руки и несла его, тяжелого, горячего...

Через два дня она похоронила Сережу под большой липой городского кладбища. С тех пор стали белыми ее виски и глубокая тоска поселилась в глазах. Горе Ирины Андреевны было тем безутешнее, что надеяться на появление второго ребенка она не могла: после рождения Сережи врачи сказали ей, что детей у нее больше не будет.

Она приехала в Казань одна, без сына, похудевшая и постаревшая. От нее самой ее муж, Антон Иванович, узнал о смерти Сережи. Ирине Андреевне было страшно вспомнить, как рыдал тогда этот большой и мужественный человек.

Пережить то страшное горе помогла работа. Как и до войны в Ленинграде, она стала преподавать историю в казанской школе. Днем — школа, а вечером — госпиталь, где она писала письма под диктовку раненых, помогала сестрам и санитаркам. И столько навидалась она там горя и страданий, что невозможно было свое горе считать самым большим.

И, конечно, она не была одинокой. Она жила с мужем — счастье редкое во время войны. Правда, Антон Иванович приходил домой поздно и часто улетал в командировки. Эти командировки были не совсем обычными. Антон Иванович Березов работал на авиационном заводе и место назначения командировок обозначалось энской авиационной частью действующей армии, где самолеты, выпущенные заводом, выдерживали настоящие бои. Ирина Андреевна обычно не знала, на какой фронт улетает ее муж. Но она хорошо понимала, что всякий раз он подвергается опасности. Тревога ни на минуту не покидала ее. Возвращение мужа из командировки живым и невредимым принимала как счастливый дар судьбы.

Антон Иванович всегда относился к жене нежно и заботливо. Но даже Ирина Андреевна, избалованная его вниманием, поражалась, откуда у мужа столько выдержки, терпения,

чтобы утешать ее в неутешном горе, отвлекать от тяжелых мыслей.

Но если острая боль утраты единственного сына постепенно утихала, то неудовлетворенное материнское чувство все более обострялось. Ирина Андреевна понимала, что и муж не захочет остаться бездетным. Он никогда не скажет ей об этом, но страдать будет не меньше ее.

В самом деле, какая это семья, если нет детей? Приходит Ирина Андреевна с работы, а дома пустота и тоска. Никто не ждет ее, не о ком заботиться, не на кого порадоваться. Она непрерывно думает об этом. Жить для одной себя скучно, нехорошо. И особенно теперь, когда идет эта страшная, жестокая война. Тысячи, да что тысячи — сотни тысяч детей остались сиротами, без крова, без ласки, больные, изнуренные. А она тоскует от одиночества! Надо взять себе сироту из детдома!

Была бы она моложе, может ушла бы на фронт разведчицей или радисткой — кем угодно. Но она немолода, и на фронте ей не быть. Пусть каждый делает для людей то, что может. Она учит детей, помогает в госпитале — это хорошо. И она возьмет обездоленного войной ребенка и воспитает его. Так, подолгу раздумывая, Ирина Андреевна приняла решение.

Когда стало известно, что Антона Ивановича переводят на работу в Москву и дают там квартиру, Ирина Андреевна сказала о своем решении мужу. Тот засиял:

— Ну и правильно! Ты у меня молодец! Я и сам думал об этом, только тебе не говорил — боялся, что память о Сереже помешает это сделать... Но нет, конечно! Ириша, нам обязательно нужен ребенок! Не тяни только, иди завтра же!

— Какой ты быстрый! Это все не так просто. И знаешь, я хочу взять ребенка из Ленинграда, из нашего родного города. Там родился наш первый, там я найду второго... Можно себе представить, сколько сирот осталось в этом городе!

— Ну, а если у тебя все-таки родится свой? — спросил Антон Иванович.

Ирина Андреевна улыбнулась:

— Очень хорошо! У нас будет двое. И нам и им веселее!

...Переезд в новый город заставлял их торопиться с усыновлением. Ирина Андреевна привезет в новую квартиру ребенка, и никто не будет знать, что он приемный. Поэтому, как только они приехали в Москву, Антон Иванович выхлопотал для жены пропуск в Ленинград и обеспечил ее необходимыми документами.

На вокзале, прощаясь с женой, он весело говорил:

— Пригони обязательно! Беленького, черненького, мальчика, девочку, больного, здорового — все равно люблю...

И вот она приехала в Ленинград. Дом, где Березовы жили до войны, уцелел, уцелели почти все вещи. Но Ирина Андреевна лишь мельком посмотрела на них. В первый же день она пошла в Ленинградский облздравотдел и получила разрешение на посещение детских яслей в Ленинграде и пригороде.

...Рассказывая о себе, о муже, Ирина Андреевна сильно волновалась. Капельки пота выступили у нее на лбу, стала влажной шея. Врач внимательно и участливо смотрела на нее. Ей нравилась Ирина Андреевна. Светло-каштановые волосы зачесаны гладко наверх и на затылке собраны в большой пучок. Но сквозь длинные пряди пробивались короткие пышные, непокорные волосы и образовывали прозрачную корону на голове. Лоб высокий, чистый. Губы толстые, добрые. Но главная прелесть этой женщины была в светло-карих ясных глазах и в мягкой, доброй улыбке.

Они долго беседовали. И если Ирина Андреевна узнала про врача только одно, что ее зовут Раисой Яковлевной, то сама Раиса Яковлевна узнала все, что ей хотелось. Она поняла, что ребенок попадет в хорошие руки и хорошие условия.

Глава II

Когда в кабинет донесся шум детских голосов, Раиса Яковлевна сказала:

— Ну вот, пока мы знакомились, кончился наш тихий час. Идемте, я покажу вам детей.

Ирина Андреевна надела белый халат и вместе с Раисой

Яковлевной поднялась по широкой деревянной лестнице, ведущей из вестибюля на второй этаж.

Раиса Яковлевна остановилась около первой двери, открыла ее и, показывая на ряды маленьких кроваток, сказала:

— Здесь наши малыши. Эти почти всегда спят. Покожмятся, поболтают ножками и опять спать. Из этой группы мне трудно кого-либо рекомендовать. Они поступили недавно и имеют родственников. Идемте в среднюю, к ползункам.

Они вошли в большую, светлую комнату. По стенам стояли ряды кроваток, а в середине комнаты — большой квадратный стол с высокими бортами: манеж для ползунков, их прогулочная площадка.

Некоторые дети спокойно лежали в кроватках, другие сидели или, держась за сетки, пытались становиться на ножки. Но самое интересное происходило в манеже. Здесь ползунки впервые сталкивались с коллективом ровесников.

Глядя на этот «сквер», Ирина Андреевна не переставала улыбаться. Вот один малыш, лежа на спине, изо всех сил бьет свою щеку резиновой игрушкой. Другой лежит на животе и, приподнявшись на локтях, упорно смотрит на нее, незнакомую тетю. Ирина Андреевна мотнула головой, ласково улыбнулась малышу и была награждена ответной улыбкой беззубого рта.

Вдруг раздался отчаянный плач. Произошла авария. Двое следопытов ползли навстречу друг другу, возможно с самыми мирными намерениями, но, не рассчитав расстояния и скорости движения, стукнулись лбами и разревелись. Няня погладила одного, перенесла на кроватку другого, и мир был восстановлен.

Раиса Яковлевна останавливала внимание Ирины Андреевны только на тех детях, у которых не было ни родителей, ни близких родственников. Таких много, большинство. Дети разные — черноглазые и голубоглазые, веселые и грустные, озорные и спокойные. Ирине Андреевне не хотелось говорить, что пока ни один из этих детей не привлек ее внимания. Она только спросила:

— У вас и постарше есть дети?

— Да, мы сейчас пойдем к старшим, — ответила Раиса Яковлевна.

Старшая группа! Ирина Андреевна, работая в школе, привыкла называть старшими учеников девярых и десятых классов. Мальчики были выше ее ростом, говорили баском. А тут старшими оказались трехлетние малютки!

Дети одевались после дневного сна. Они сами надевали лифчики, штанишки, многие даже умели зашнуровать ботинки и только завязывать шнурки бежали к няне. С большим или меньшим успехом, но все застилали свои кровати. И проделывалось это тихо и серьезно, с явным усердием.

Ирина Андреевна стала в сторонке, у окна. Раиса Яковлевна тихо, так, чтобы дети не могли услышать, сказала ей:

— Обратите внимание на девочку вон там, в самом углу. Она застегивает лифчик другой девчурке. Видите? Голубоглазая, с пышными волосами. Это Галя. Судьба ее трудная, как у всех наших детей, и девочка она нервная. Но очень способная, умная, хорошо поет, слух изумительный.

Галя сразу почувствовала, что о ней идет разговор. Она зарделась и спряталась за спину девочки, которой застегивала лифчик. А та, ничего не понимая, удивленно посмотрела на Галю, потом на незнакомую тетю. И тут Ирина Андреевна встретила взгляд больших темных грустных глаз. Быть может, эти глаза казались такими большими потому, что они украшали худое, бледное личико. Ирина Андреевна спросила Раису Яковлевну:

— А это что за девочка? Та, что рядом с Галей?

— Это Наташа, — ответила Раиса Яковлевна. — У нее есть родственники. Идемте, я вас познакомлю с Галей, и вы с ней поговорите.

Подойдя к девочкам, она сказала:

— Вот наша Галя.

Галя снова спряталась за спину своей подруги. Теперь застенялась и Наташа. Она опустила глаза, и Ирина Андреевна заметила, что у нее необыкновенно длинные красивые

— Чья это мама?

черные ресницы, отбрасывающие тень на худенькие, бледные щеки.

— Как тебя зовут? — спросила она девочку.

Та не ответила. Стеснительная улыбка открыла две белые полоски мелких ровных зубов.

— Ее зовут Наташа, — выручила свою подругу вдруг осмелевшая Галя.

Отстранив Наташу, Галя подошла к Ирине Андреевне и доверчиво прижалась к ней. Это ее тетя! Ведь недаром же Раиса Яковлевна сказала «вот наша Галя».

Время от времени в детских яслях появлялись незнакомые люди, и часто оказывалось, что именно здесь они находили своих сыновей и дочек. Дети с завистью смотрели на тех, кого мамы и папы (а папы бывали и военные!) увозили в большой, неведомый мир. Скорей бы уж и за ними за всеми приезжали родители! То, что родители приедут, в это все малыши безгранично верили. Так им говорили воспитатели и так им хотелось. Поэтому, когда в доме появлялся незнакомый человек, у детей сразу возникал вопрос: «Чья это мама?», или: «Чей это папа?» Чтобы быстрее разрешить недоумение, они иногда прямо спрашивали:

— Ты чья мама? За кем приехала?

Каждый надеялся, что именно его-то и назовут. Если оказывалось, что папы и мамы «ничьи», всякий интерес к этим людям пропадал.

Галя тоже ждала свою маму. И сегодня, когда тетя Рая сказала «вот наша Галя», девочка сразу подумала, что, может быть, новая тетя — ее мама. Ей эта тетя в белой-пребелой блузке очень понравилась. Гале было очень хорошо, когда тетя своей ласковой рукой погладила ее по голове. А когда тетя так же погладила Наташу, Гале стало неприятно. Как жалко, что никто не спросил у тети, чья она мама!

Чья она мама? Ирина Андреевна и сама не могла бы ответить на этот вопрос. Она была в полном смятении. Галя девочка хорошая, уменькая. Но Ирина Андреевна поневоле думает

о Наташе. Сердце сжимается, когда она вспоминает бледное, худенькое личико Наташи, ее беспомощную фигурку в лифчике с болтающимися на резинках чулочками... Как хочется взять ее на руки, пригреть, уберечь от невзгод!..

Когда Ирина Андреевна вернулась в кабинет главного врача, она сказала Раисе Яковлевне:

— Пожалуйста, расскажите мне о Наташе. Где ее родители? Кто они? Запала мне в душу эта девочка!

Раиса Яковлевна нахмурилась. Она была недовольна тем, что ее любимица Галя не понравилась этой женщине, что придется долго доказывать, убеждать.

— У Наташи мать погибла, — ответила она, — но об отце мы не имеем никаких сведений.

— Ленинград освобожден уже несколько месяцев назад, — возразила Ирина Андреевна. — Неужели отец до сих пор не заинтересовался своей дочкой?

— Ну, а если он пропал без вести, вас это устроит? Если отец в плену и вернется через несколько лет, что вы будете делать? Вернете ему Наташу? Вы понимаете, какая это будет трагедия для вас, для вашего мужа, для девочки и ее отца? Надо серьезно относиться к этому делу. И послушайте меня, — потеплевшим голосом продолжала Раиса Яковлевна. — Наташа девочка замкнутая, болезненная, моторно отсталая. Ее принесли к нам умирающей от голода, и это не прошло бесследно. Она слабенькая, у нее диатез, два раза было воспаление легких. Галя крепче здоровьем, более развитая, общительная.

— Раиса Яковлевна! — перебила ее Ирина Андреевна. — Я сама педагог и понимаю, что пренебрегать советом педагога и врача нельзя. Но поймите меня правильно. Я хочу иметь не воспитанницу, а дочь! Я хочу стать не просто воспитательницей, а матерью. Галя хорошая, красивая, развитая. Но она не моя дочка. Я даже не могу вам толком объяснить почему. Не затронула она материнской струнки во мне. Видно, есть какие-то неизведанные стороны человеческой души. Вот Наташа — другое дело. Я не хочу думать, что уеду

без нее из Ленинграда. Прошу вас, давайте посмотрим ее дело. Быть может, я сумею навести справки об отце. По крайней мере, я должна убедиться, что Наташу нельзя удочерить.

В папке с историей Наташи Деминой хранилось метрическое свидетельство о рождении девочки, адрес квартиры, где она проживала, и справка из домоуправления о смерти матери. Вместе с этими официальными документами лежала записка, написанная, как видно, наспех на листке бумаги. В ней сообщалось, что девочка была найдена в пустой квартире и что мать ее незадолго до того погибла при бомбежке. Записка была подписана какой-то Соколовой.

— Вы не знаете, кто эта Соколова? — спросила Ирина Андреевна Раису Яковлевну.

— Кто она, я не знаю. Но я ее видела. Это она принесла к нам девочку. Соколова жила в одной квартире с Деминой. Где она сейчас и что с ней, я, право, не знаю.

Ирина Андреевна записала адрес дома, где жила Наташа, и, прощаясь с Раисой Яковлевной, сказала:

— Если Соколова жива, я ее найду.

. Маленькая Наташа не знала и, конечно, не помнила ничего, что случилось с ней до того, как она очутилась в этом большом и уютном доме с тетями в белых халатах. Никто не мог бы рассказать ей и о том, как мать и отец радовались ее первой улыбке, каждому еще не осмысленному движению маленьких рук, повороту головы. Она не помнила, как целовал ее отец, уходивший на фронт, как плакала и убивалась ее мать. Не знала Наташа и того, как голодали потом мать и она сама. Но мать, даже голодная, всегда умела утешить и согреть своего ребенка. Самое страшное, что довелось испытать Наташе, случилось в холодные осенние дни.

Однажды, когда Наташа, укутанная в одеяла, спала в своей кровати, ее мать была убита осколком снаряда. Девочка спала в кровати, а мать мертвая лежала на тротуаре. Наташа проснулась, заплакала, но никто не подошел к ней. Квартира давно опустела, в ней последнее время жили лишь двое—

она и мать. Теперь осталась она одна. Девочка стала плакать сильнее, громче. Ей было холодно, сыро, хотелось есть. Но никто ее не слышал, не приходил на помощь. Измученная, она засыпала на короткое время, потом снова просыпалась от голода и холода, и в пустой квартире снова раздавался ее жалобный плач...

Всю эту трагедию раннего детства Наташи Ирина Андреевна ясно представила себе, слушая рассказ Пелагеи Михайловны Соколовой, которая жила все в том же доме и в той же квартире, где осенью сорок первого года лежала осиротевшая Наташа.

— Работали мы тогда на казарменном положении, — рассказывала Пелагея Михайловна. — И работали и жили на заводе. Домой я прибежала за вещичками. Могла бы и неделю еще не приходить. Открыла дверь своим ключом, слышу какой-то писк. Ну, я сразу в комнату к Деминым. Теперь там инженер один живет (у них сейчас заперто, а то бы вы посмотрели). Вхожу, а она одна, крошка, лежит, посиневшая, и глаза закрыты. Я — в домоуправление. Там как раз комсомольцы были, которые помогали пострадавшим. Они и устроили Наташу. Вместе мы собирали ее документы и вещички. Вместе и в ясли ходили.

Пелагея Михайловна не могла рассказать подробнее о матери и отце Наташи. В эту квартиру она поселилась в начале войны, когда дом, где жила она, подвергся бомбежке. Но она сообщила Ирине Андреевне, что отец Наташи был рабочим и убит в самом начале войны.

— Убит! В этом вы не сомневайтесь. При мне Наташина мать получила похоронную и потом какой-то товарищ мужа заходил, подтвердил это. Круглая сирота Наташенька! Но, может, тетка возьмет ее?

— Какая тетка? — удивилась Ирина Андреевна.

— А как же! Сестра ее матери. Она месяца два назад вернулась из эвакуации, была у меня, и я сказала ей, куда мы отвезли Наташу. А разве она там не была?

После того как Пелагея Михайловна сообщила, что отец

Наташи погиб, оставалось выяснить вопрос с теткой. Не без труда, но адрес ее все-таки удалось установить. Ирина Андреевна отправилась к ней вместе с Раисой Яковлевной.

Тетушка Наташи оказалась совсем молодой женщиной, лет двадцати пяти. Узнав, что к ней пришли из яслей, где находится ее племянница, она заволновалась и быстро-быстро заговорила:

— Знаете, никак не могла выбрать время навестить Наташу. Ведь свою жизнь тоже надо устраивать. А как вы нашли меня? Кто сказал мой адрес?.. Ну куда я ее возьму? И муж не хочет, говорит, от своих потом некуда будет деваться. Да я и не обязана.

Раиса Яковлевна ее оборвала:

— Вы напрасно беспокоитесь! Никто вам девочку не навязывает. Ее хотят удочерить хорошие люди. Я вижу, что вы будете довольны этим.

Молодая тетушка растерялась. Ей, как видно, стало неловко, и в то же время она обрадовалась, что останется в стороне, что не навалят на нее этой «обузы».

— Что ж, если люди хорошие...

Она вдруг заплакала, от стыда ли, от жалости — неизвестно.

Ирина Андреевна искала в этой женщине родственные Наташе черты. Тот же карий цвет глаз, схожий овал лица, и в то же время она ничем не напоминала Наташу.

Раису Яковлевну совсем не растрогали слезы женщины. Она холодно и спокойно продолжала ее спрашивать:

— Что вы знаете об отце Наташи? Это точно, что он погиб? Можете это подтвердить?

— Я была эвакуирована в Челябинск, — вытирая слезы, отвечала женщина. — Там я получила письмо от сестры, где она сообщила мне о смерти мужа.

— А еще есть родные у Наташи?

— Какие родные! Мать с отцом — ну, ее дед и бабка — тут же от голода умерли. А со стороны отца никого не было. Он сам рос сиротой.

Теперь все было ясно и просто. Никаких преград для оформления не было.

Маленькой Наташе не вспоминалась бомбежка, хотя с тех пор прошло немного времени. Она забыла, какой испытывала страх, когда слышала вой сирен, а вслед за этим — грохот и взрывы, от которых сотрясались стены их бомбоубежища. В такие моменты Наташа не плакала, как многие дети. Она сидела с широко открытыми глазами, дрожала вся, но не плакала. Все это прошлое как будто забыто, но и сейчас девочка вздрагивает и вся дрожит, когда падает всего лишь маленький стульчик. И, как тогда, в больших карих глазах ее появляется испуг.

Галя была самой хорошей подругой Наташи. Кукла Мика принадлежала только им двоим. Они кормили ее, укладывали спать и выносили гулять. Кроватки Наташи и Гали стояли рядом. В столовой они сидели за одним столиком. Когда шли гулять на улицу парами, — Наташа всегда за руку с Галей. Они застегивали друг другу лифчики, завязывали бантики на голове.

Когда появилась в группе незнакомая тетя, Наташа думала, что Галя скоро уедет с мамой и ей, Наташе, будет очень скучно. А когда ее, Наташина, мама придет — неизвестно. Наверное, скоро.

Галина тетя почему-то долго не приходила. Думалось, что она совсем не придет. Но нет, пришла.

Дети сидели полукругом, около пианино. Тетя Фаня играла что-то хорошее, веселое. Все сидели тихонько и слушали. И вдруг вошла она. Галя, как увидела ее, стала прятаться за Наташину спину. В это время тетя Фаня кончила играть и сказала:

— Будем петь про козлика!

И она заиграла знакомую песенку. А когда махнула головой, все сразу запели. У Гали самый хороший голос, и ее слышнее всего. А многие ребята только рты раскрывают, а петь совсем не поют. Галя поет и поминутно смотрит на

«свою» тетю. А та на нее почему-то совсем не смотрит. Смотрит на всех одинаково. И вдруг Наташа почувствовала, а потом и увидела, что тетя смотрит на нее. Да, да, она так посмотрела, что Наташа покраснела и сразу опустила глаза.

Следующий раз она пришла, когда все обедали. Галя засмеялась и от радости стала толкать Наташу. Но тетя не подошла к Гале. Постояла, посмотрела и ушла. Кажется, никто не заметил ее короткого нежного взгляда, брошенного на Наташу. Только сама Наташа перехватила этот взгляд. Но Галя стала скучной. Что-то неладное почувствовали и другие дети. Самый смелый из них, Вовка, вдруг спросил тетю Фаню:

— Это чья мама приходила?

Тетя Фаня почему-то рассердилась и сказала, чтобы к ней не приставали с глупыми вопросами.

Наташа и Галя не говорили о ней между собой. Да и не смогли бы они выразить малым запасом слов то, что чувствовали. А чувствовали они многое. Галя теперь уже не надеялась, что тетя будет ее мамой, но все-таки ждала ее прихода. Ждала и Наташа.

Если дети гуляли в садике, то обе девочки часто смотрели на калитку, не появится ли она. Если были в доме, постоянно выбегали из комнаты, смотрели с площадки вниз, на входную дверь.

Она появилась во время завтрака, утром. Пришла вместе с Раисой Яковлевной, как в первый раз.

Эти взрослые люди, доктор Раиса Яковлевна и Ирина Андреевна, были убеждены, что умеют владеть собой. Но дети сразу поняли, что не случайно так торжественно-строга Раиса Яковлевна и так взволнована пришедшая с ней тетя. И то, что не Галя была в центре внимания, это тоже стало понятно.

Когда подали второе, Галя вдруг заплакала. Никто ее не обижал, а она заплакала. И, хотя Галя плакала без видимой причины, тетя Фаня и Раиса Яковлевна не рассердились на нее. Только Раиса Яковлевна переглянулась с тетей, и та ушла.

Вот тут заплакала Наташа. Положила голову на стол и горько зарыдала. Раиса Яковлевна подошла к ней:

— Ну что ты плачешь, Наташа? Может, заболела? Пойдем, я тебя посмотрю и температуру померяю.

Там, в кабинете Раисы Яковлевны, сидела она и тоже плакала. А когда увидела Наташу, взяла ее, посадила к себе на колени и сказала:

— Наташа, я твоя мама. Поедем к папе, он нас ждет.

Наташа прижалась к ней и обняла ручонкой за шею.

Раиса Яковлевна ушла, и они остались одни. Наташе было очень хорошо. Она трогала руками кружева на блузке, а мама рассказывала, как долго она искала ее, свою дочку, и как будет рад папа. Тут же она показала его карточку. Папа Наташи военный. Он умеет строить самолеты.

— Ты его помнишь, Наташа? — спросила Ирина Андреевна.

— Да, — ответила девочка.

Наташа ответила искренне. Она ждала папу, хочет к нему поехать. А значения слова «помнишь» она не понимала.

Наташе было немногим больше трех лет, и она скоро забыла дом с тетями в белых халатах. Забыла свою подружку Галю. А вот как она сидела на коленях у мамы, слушала ее нежные, ласковые слова — это видение осталось у нее в памяти на всю жизнь.

Ирине Андреевне тоже на всю жизнь запомнился этот час. Беспомощность маленького существа, полное, безоговорочное доверие к ней, назвавшейся матерью, тепло мягких ручонек — все это навеки привязало ее к девочке, наложило обязанности, выполнение которых стало святым ее долгом.

Теперь была заполнена брешь, образовавшаяся в ее жизни со дня смерти Сережи.

Глава III

Ирина Андреевна только тогда сказала Наташе «я твоя мама», когда все уже было решено: документы об удочерении, метрическое свидетельство Наташи и железнодорожный билет до Москвы лежали в ее сумке.

Провожая Ирину Андреевну в Ленинград, Антон Иванович дал ей адрес и телефон их давнего друга, Сергея Алексеевича Колесова.

— Ты обязательно ему позвони. Нужно будет — он тебе во всем поможет. И как врач даст хороший совет.

Когда все выяснилось с родственниками Наташи и предстояла сложная процедура оформления, Ирина Андреевна позвонила Сергею Алексеевичу и попросила его зайти к ней.

В тот же вечер он приехал.

— Ирина, милая! Как я рад, что вижу тебя! Ай-ай, височки-то как побелели! Но все такая же хорошая, уютная... Что у тебя случилось?

— Сережа! — волнуясь, заговорила Ирина Андреевна. — Мне очень трудно обо всем рассказывать, и давай договоримся — не сочувствуй и ни о чем не спрашивай. Иначе расплачусь и не остановлюсь... Все, договорились. Так вот. Наш Сережа умер. По пути в Казань... Теперь я беру себе дочку. Из яслей. Ты не нужен мне как врач. Я знаю, девочка очень слабая, больная, но вопрос этот решен. Ты мне нужен как друг, помощник. Помоги все оформить, удочерить Наташу.

— Пожалуйста! Ну конечно, все, что могу, сделаю. Иринушка! Ты всегда была человеком необыкновенной души! Ты совершаешь подвиг...

— Глупости, Сережа! Какой подвиг? Это теперь-то, когда столько людей отдали свою жизнь на фронтах и вот здесь, в Ленинграде! Ведь тут каждый метр земли свидетель подвигов, да еще каких! А взять обездоленного ребенка и воспитать его — разве это подвиг? Материнское чувство — это естественное состояние женщины. Чем радостнее будет жизнь ребенка, тем счастливее наша, моя и Антона. Я не понимаю и осуждаю людей, которые, взяв ребенка на воспитание, стараются рекламировать это, представить как подвиг.

Сергей Алексеевич поднял руки вверх:

— Сдаюсь! Сдаюсь, и баста! Молчу. Говори, что надо делать.

...Через два дня Ирина Андреевна держала в руках доку-

мент об усыновлении и метрическое свидетельство Наташи Березовой, тысяча девятьсот сорокового года рождения. Отец — Антон Иванович Березов, мать — Ирина Андреевна Березова. Это навеки, навсегда!

Ирина Андреевна хотела купить одежду для Наташи, но промтовары отпускались только по карточкам. Она прибежала в ясли:

— Раиса Яковлевна! Что делать? Мне не в чем везти Наташу.

Раиса Яковлевна ее успокоила. Они оденут девочку, но, если будет возможность, пусть Ирина Андреевна пришлет потом эту одежду обратно.

Когда были решены все большие и малые вопросы, когда железнодорожный билет до Москвы был куплен, только тогда Ирина Андреевна сказала Наташе «я твоя мама».

Вечером того же дня они должны были уехать.

Прощавшись ненадолго с дочкой, Ирина Андреевна побежала на квартиру. Надо было собрать и упаковать вещи. Из черствого хлеба, купленного еще в Москве, она нажарила гренки для Наташи. В Ленинграде они ничего не могли купить, у нее не было ленинградских продовольственных карточек. Хорошо, что привезла с собой и сохранила немного конфет и кускового сахара. Для Наташи это будет большой радостью.

Были в этот день и другие дела — пришлось идти в домоуправление и, наконец, на почту, чтобы отослать телеграмму в Москву. Текст телеграммы был краткий: «Встречайте дочкой Наташей».

Ирина Андреевна представила себе, как начнет хлопотать ее мать, Екатерина Павловна, которая недавно приехала в Москву. Затеет уборку в квартире, побежит в магазин и, пожалуй, заберет по карточкам все продукты, которые полагаются на месяц. И, конечно, поставит тесто на пироги. К майским праздникам давали в магазинах пшеничную муку. Екатерина Павловна с ночи заняла очередь. Утром пришла домой усталая, измученная и решительно заявила:

— Дорого досталась эта мука! Буду беречь ее на случай болезни. Чтоб я вот так просто напекла вам пирогов, не ждите!

Теперь-то она уж, наверное, не пожалеет этой муки!

А муж? Наверное, тоже готовится. Побежит искать игрушки. Уже, пожалуй, думает, как бы достать кровать для Наташи. Не очень все-таки он верил, что Ирина Андреевна решится на такое дело. А теперь гадает, какая у него дочка...

Как было условлено, Сергей Алексеевич Колесов приехал к Ирине Андреевне в шесть часов вечера. До поезда час сорок минут. Времени достаточно, чтобы заехать за Наташей и выполнить последние несложные формальности.

На ближайшей площади они взяли такси и через несколько минут были на канале Грибоедова, у заветного особняка.

В кабинете Раисы Яковлевны, на большом стуле, свесив короткие ножки, сидела Наташа, одетая в новое платье.

— Ждешь меня?

Ирина Андреевна подхватила ее на руки и расцеловала. Девочка зарделась от радости, прильнула к ней всем телом.

Колесов, глядя на мать и дочь, совсем неожиданно для себя всхлипнул, а потом, застеснявшись, стал протирать стекла очков и незаметно смахивать нежданный иней с глаз.

— Сережа, — обратилась к нему Ирина Андреевна, — иди с Наташей в машину, а я на минутку задержусь.

Сергей Алексеевич подошел к Наташе:

— Пойдем со мной! Там стоит красивая машина!

Но Наташа отвернулась и осталась сидеть на месте. Тогда пришла на помощь Раиса Яковлевна:

— Сейчас я позову нянечку.

Вместе с няней Наташа хотя и неохотно, но пошла.

Ирина Андреевна положила в сумку медицинскую справку о Наташе, педагогическую характеристику, расписалась в получении вещей, в которые была одета Наташа, и, прощаясь с Раисой Яковлевной, сказала:

— Спасибо вам за все. За Наташу, за всех детей! Теперь у меня к вам только одна просьба: не давайте моего адреса Наташиной тетке.

— Не беспокойтесь, у нас на этот счет правила твердые.

А Наташа, сидя в машине, безутешно рыдала. Ни няня, ни Сергей Алексеевич не могли успокоить девочку. Когда появилась Ирина Андреевна, заплаканное лицо девочки вдруг проясло.

Пораженная няня заметила:

— Ну скажи на милость! Я думала, ей не хочется уезжать. Оказывается, она боялась, что мама тут останется. Чудеса с ними, с детишками!..

Няня говорит ворчливым голосом, а сама вытирает глаза полой белого халата. И Сергей Алексеевич вдруг снова стал протирать очки. Зато Наташа была теперь спокойна и довольна.

Прильнув к Ирине Андреевне, она не отрываясь смотрела через окошко на пролетавшие мимо дома, на множество машин и людей. До сих пор она ни разу в жизни не ездила по городу. Как интересно, весело и шумно!

Когда приехали к вокзалу, Сергей Алексеевич сказал:

— Наташа, тут много народу. Давай я тебя понесу, а мама пойдет рядом.

Наташа согласилась. Но, когда в дверях поток людей отиснул Ирину Андреевну, девочка заплакала и крикнула:

— Мама!

— Я здесь, дочка!

Так впервые и на всю жизнь стали они называть друг друга.

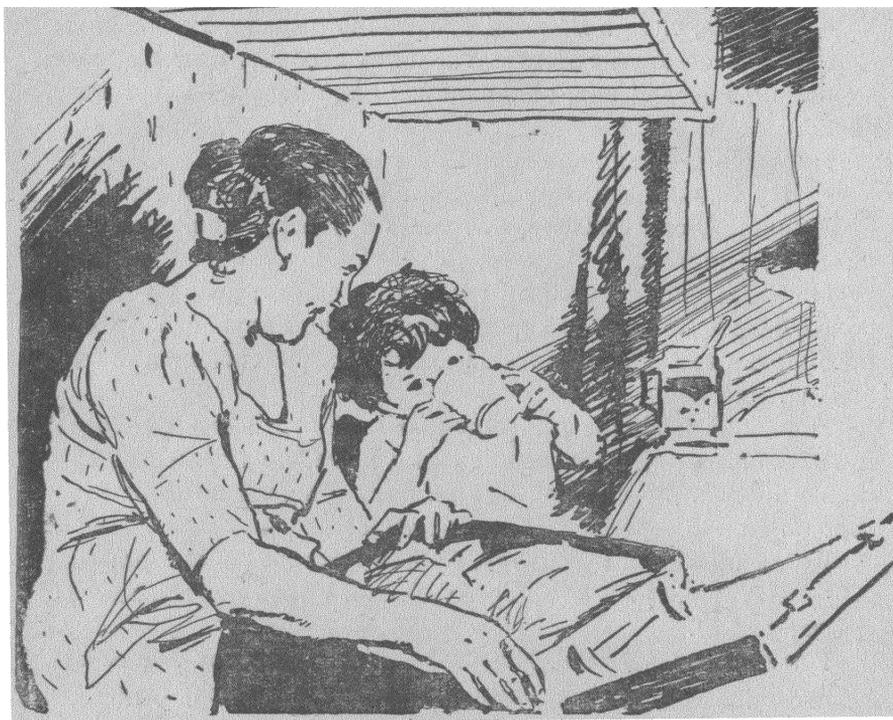
И вот они в вагоне и, к счастью, оказались вдвоем в купе. Видно, опоздали пассажиры или просто билеты не были проданы. Им и надо быть вдвоем, пусть никто не мешает!

Когда поезд тронулся и застучали колеса, Наташа деловито осведомилась:

— Мама, а тут волков нету?

И сразу поверила, что ни волков, никаких других зверей в вагоне нет.

Ирина Андреевна раскрыла маленький чемоданчик, и у

Наташи начался пир. Сладкие мягкие гренки — ешь сколько хочется! Шоколадные вкусные конфеты! Наташа ела и улыбалась счастливой улыбкой. Сегодня там, в яслях, ей совсем не хотелось кушать. А теперь она сколько угодно может съесть. Но это ей только казалось. Она сама вдруг закрыла чемоданчик с продуктами и сказала:

— Завтра!

Показав на стакан, который принес проводник, она спросила:

— Это что?

— Стакан, — ответила Ирина Андреевна, поняв вдруг, что Наташа никогда не видела стакана. Ведь в яслях дети пили из чашек.

— А это что? — Девочка указала на настольную лампу.

В ее возрасте ребенок, выросший в семье, знает тысячу вещей, сотни слов. А Наташа никогда не видела простых предметов, говорит мало, отвечает односложно. Про волков — самая длинная речь за весь вечер. Но Ирину Андреевну это не расстраивало и не удивляло. Чему удивляться? Ведь из трех с половиной лет жизни девочка три года прожила в бомбоубежище блокированного города, полуголодная, всегда под неосознанным страхом.

Ирина Андреевна стала рассказывать Наташе про папу и бабушку:

— Папа наш большой, высокий. Выше меня на целую голову. Глаза у него такие же коричневые, как у тебя. Когда папа веселый, глаза узенькие, как щелочки. А когда огорчится или рассердится, они круглые, большие. Но папа почти всегда веселый и добрый. Бабушка тоже добрая.

Ирина Андреевна рассказывает, а сама внимательно рассматривает Наташу. Какие выразительные глаза у девочки! Спрашивает — и в глазах вопрос. Смешно — глаза смеются. Но грусть не уходит из глаз. Крепко прижилась. И вопрос и смех — все сквозь грусть. Волосы у Наташи каштановые. Наверное, будут говорить — как у мамы.

— Уже поздно, пора спать, Наташенька, а когда проснемся, будет Москва. Там нас встретит папа.

Ирина Андреевна приготовила постель внизу, на двоих. Полка удобная, широкая. Они легли валиетиком, каждый под своим одеялом.

В вагоне полумрак. Горит лишь синяя лампочка. Ирина Андреевна знает, что не уснет так скоро. Но она лежит тихо и неподвижно, боясь разбудить Наташу.

Что-то будет завтра? Вдруг Наташа не понравится Антону? За последние дни эта мысль возникала у нее не раз. Но теперь, когда она представила себе завтрашнюю встречу на вокзале, даже испугалась. Конечно, не понравится! Худенькая, испуганная девочка в сером, бесцветном платице, в черных грубых ботинках. Да еще такая дикарка! И, как будто

муж в самом деле сказал ей что-то подобное, она мысленно стала с ним спорить: «Ну нет, Антон! Я не буду тебя убеждать. Ты предоставил мне одной право решить этот вопрос. Теперь поздно. Не любишь — дело твое. Сама воспитаю девочку».

А потом ее захватывают новые тревожные мысли. А сама-то она знает эту девочку? А если Наташа останется «замкнутой» и «моторно отсталой» на всю жизнь? Ведь она не знает ее наследственности. Ничего, по сути дела, не знает о ней...

Нет, нет! Не будет она ни замкнутой, ни отсталой. Будет веселая, красивая, самая хорошая дочка! Зарумянятся щечки, нальются живым соком ее худенькие ручки и ножки. Забудет все тяжелое и страшное. Ирина Андреевна не начнет работать, пока Наташа не освоится в новой обстановке.

Удастся ли ей сохранить в тайне, что Наташа приемная дочь? Будет взрослой, пусть узнает. Но пока растет, формируется человек, надо уберечь от ударов. Ничто не должно омрачать жизнь этой крошки...

Уже давно за полночь. Ирина Андреевна тихонько поднялась, чтоб убедиться, спит ли девочка. Наташа лежала с открытыми глазами.

— Спи, дочка, — сказала Ирина Андреевна.

Но обе они уснули только под утро, недолгим, тревожным сном.

Что-то их ждет в Москве?

Поезд замедляет ход. Москва. Наташа сидит с потухшими глазами, безжизненная, застывшая. На лице — ни страха, ни радости: полное равнодушие ко всему. Молчит, даже на вопросы не отвечает. Ирина Андреевна смотрит на Наташу и не узнает ее. Что стало с девочкой? Как будто вынули душу из ребенка!

Сейчас встретит Антон свою дочку, и Ирина Андреевна увидит в его глазах жалость. Одну только жалость к девочке и деликатную укоризну в ее адрес.

Поезд остановился. Ирина Андреевна смотрит в окно —

Антон Ивановича нет. Уже выходили последние пассажиры из вагона, когда она увидела мать.

— Мама! — крикнула Ирина Андреевна.

Екатерина Павловна зашагала быстрее и подошла к окну. Она что-то говорила, но шум стоял такой, что ни слова нельзя было разобрать.

В это время Ирина Андреевна увидела носильщика и подала ему знак. Екатерина Павловна вошла в вагон, когда носильщик уже связывал ремнями вещи.

— А вот и внучка! Здравствуй, детынька! — Она нагнулась, поцеловала девочку.

— Где Антон, скажи ради бога! — чуть не плача, спросила Ирина Андреевна.

— Еще позавчера улетел. Куда-то далеко, за границу.

— Как же он мог?!

— Послали. Какая-то там авария на самолете.

— Как же это можно? Что она теперь будет делать?

— А когда вернется, он сказал? — раздраженно спросила Ирина Андреевна мать.

— Нет, не сказал. Сам не знает. А ты с ума-то не сходи! — рассердилась вдруг Екатерина Павловна. — «Когда» да «что»? Разве для тебя это впервые? На фронт улетел, вот и все. Давай выходи! Наташенька, детка, пойдем! — обратилась она к девочке.

Они вышли. Носильщик быстро шел по платформе, а Наташа, сутулясь, семенила короткими ножками, как будто они у нее были связаны. Так ходила она в паре с Галей, когда вся группа гуляла по улице. Так шла и теперь, держась за руку, с бабушкой. А когда Ирина Андреевна ушла вперед, чтоб не отстать от носильщика, Наташа как будто и не заметила этого, продолжая плестись по опустевшей платформе.

Дома девочка оставалась все такой же тусклой и безжизненной. Она не сказала ни одного слова, как ни старались бабушка и Ирина Андреевна развеселить ее. Кушать она тоже ничего не стала. А когда Ирина Андреевна уложила Наташу в кровать, она закрыла глаза и сразу уснула.

Ирина Андреевна тут же поехала в промтоварный распределитель. Она использовала все талоны — купила материалы на платица, чулочки, штанишки и туфельки для Наташи.

Прошло больше трех часов, а Наташа все спала. Она лежала раскидавшись, с красным, пылающим личиком. Ирина Андреевна пощупала лоб и тут же сунула под мышку девочке градусник. Через пять минут вытащила его — тридцать девять и пять!

Правду говорят, что болезнь к человеку приходит, когда не выдерживают нервы.

Глава IV

Наташа болела долго и тяжело. Слабый организм девочки никак не мог справиться с двухсторонним воспалением легких. Лечение не давало эффекта. Высокая температура не спадала. Пожилой доктор, лечивший Наташу, все больше хмурился.

О том, что жена приехала из Ленинграда с дочерью, Антон Иванович Березов узнал через несколько дней. Из Бухареста он позвонил в наркомат авиационной промышленности и попросил секретаршу соединиться по городскому телефону с Ириной Андреевной. Секретарша, держа у каждого уха по трубке, передавала ему все, что говорила Ирина Андреевна, и Ирине Андреевне — то, что сказал Антон Иванович.

Вероятно, Березов просил кого-то из наркомата оказать помощь жене, потому что на второй же день к ней привезли известного профессора педиатра. Потом помогли достать пенициллин, который тогда только что начали применять. Этот чудесный препарат спас жизнь Наташе.

Непрерывные волнения и заботы, тревожные бессонные ночи, страх за жизнь девочки крепко привязали Ирину Андреевну к Наташе. Привязали — не то слово, оно выражает что-то внешнее. Наташа стала частью души Ирины Андреевны. Теперь ей и в голову не приходила мысль, понравится Наташа мужу или нет. Какая ерунда! Об этом нечего и думать!..

Отправляя в Ленинград вещи, в которых приехала Наташа, Ирина Андреевна послала и письмо Раисе Яковлевне. Она рассказала о болезни Наташи и спрашивала, как живет Галя. Ирина Андреевна чувствовала себя виноватой перед этой девочкой. Хоть невольно, но она заставила ее страдать. Раиса Яковлевна быстро ответила на письмо, Она дала советы в отношении лечения Наташи и сообщила, что Галя уже живет у хороших родителей, которые крепко полюбили ее.

Как только Наташа стала поправляться, Ирина Андреевна открыла швейную машинку и началась пошивка платиц, рубашек, фартучков. Екатерина Павловна распустила старую мягкую шерстяную кофточку и начала вязать носочки. Прошел уже май, в квартире стояла жара, но бабушку это не смущало.

— Готовь сани летом, а телегу зимой!

Спицы так и сверкали в ее руках. А когда бабушка вязала варежки, Наташа каждый час требовала примерки и с удовольствием продевала худую ручонку сквозь квадрат спиц.

Почти ежедневно Ирина Андреевна писала мужу письма, рассказывая о Наташе все, до мельчайших подробностей. И, находясь за тысячу километров, никогда еще не видел своей дочки, Антон Иванович уже многое узнавал о ней. Наташа не выговаривает букв «с» и «ш», заменяя их одной «ч». Это очень потешно! Ночью больная попросит пить и благодарит: «Чпачибо, мамуча!»

Дочка умненькая и с лукавинкой. Ей дают лекарство, она отстраняет руку: «Чпачибо, не хочу!»

Антон Иванович в письмах и телеграммах настойчиво требует, чтобы Ирина Андреевна сообщила ему новые подробности о Наташе, срочно сфотографировала ее и прислала ему карточки. Ирина Андреевна только пожимает плечами. Чудак! Какая фотография, если девочка еще лежит в постели? Приезжал бы ты, Антон, скорее! Разве напишешь обо всем?

Наташа выздоравливала. На щеках ее появился нежный румянец. В ярких, цветных платицах, с большими бантами в волосах она стала неузнаваемой. Но Ирина Андреевна огор-

чалась — там, в яслях, Наташа была иная, более естественная. Теперь какая-то деланная, ненастоящая.

Трудно взрослым понять маленького человека. Ирина Андреевна знала и видела, как жила Наташа до сих пор. И, несмотря на это, она удивлялась и огорчалась состоянием скованности и напряженности, в котором находилась девочка. А ведь Наташе было нелегко. Слишком много всего нового сразу обрушилось на нее. Приезд мамы, поездка в машине, в поезде, тяжелая болезнь, новый дом, где нет детей, нет подруг. На стене висит портрет братика Сережи, а живого его нет, и Наташе не с кем играть. В квартире странные, незнакомые вещи: большие кровати, высокие столы, буфет, трельяж, телефон, который сам звонит и с которым мама разговаривает. Все надо понять, запомнить все названия, которые трудно иногда выговаривать.

Легче всего Наташа освоилась с кухней. Ей нравились кастрюли, сковородки, запах вкусной пищи и, главное, нравилось помогать бабушке — резать морковь, капусту, лепить из теста пироги. Но мама не позволяла ей долго сидеть в кухне, «Здесь жарко и душно», — говорила она.

Наташе не было ни жарко, ни душно. Хорошо с бабушкой! Но она покорно шла в комнату, сутулясь и спотыкаясь. Странное дело: если девочка делала что-нибудь неохотно, она становилась обмякшей и тусклой.

Наташа давно уже вместе со всеми ждала папу. Она хорошо узнавала его на всех фотокарточках, которые давала ей Ирина Андреевна. Мама и бабушка говорили, что папа скоро приедет. Слово «скоро» Наташа понимала как «сейчас», и сама бежала к двери, если раздавался звонок. Но пока приходили только письма от папы.

Когда Ирина Андреевна кончила пошивки для Наташи, считая, что у девочки на первое время все есть, Антон Иванович прислал маленький чемоданчик. Там оказалась уйма красивых вещей для Наташи — панталончики, рубашечки, шапочки, шарфики, носочки, разноцветные ленты и два платица,

— Целое приданое! — восторгалась бабушка.

Ей нравилось резать морковь, капусту, лепить из теста пироги.

Наташа увешивалась подарками, смотрела на себя в зеркало и впервые после болезни громко смеялась.

В чемоданчике лежало письмо, адресованное Наташе Безезовой.

«Моя любимая, хорошая дочка! — писал отец. — Как я рад, что ты выздоровела. Я очень скучаю по тебе. Скоро приеду и привезу тебе большую куклу. Когда она ложится спать, то закрывает глаза.

Поправляйся, не хворай больше. Поцелуй маму и бабушку. Твой папа».

Когда Ирина Андреевна прочитала Наташе письмо, та подошла к ней и сказала:

— Дай почелую, папа велел.

Она поцеловала мать в щеку, потом повернула ее голову:

— Дай другое личо!

И поцеловала вторую щеку. Так же она расцеловала бабушку. Письмо взяла себе и положила в кармашек фартука.

Спустя некоторое время Наташа снова попросила мать прочитать письмо. Она была задумчива весь день, а вечером сказала матери:

— Мамуча, поедем чами к папе. Мне его чалко. Он чкучат. И кукла там одна. Ей тоже чкучно.

Девочка вытянула нижнюю губу, готовая расплакаться.

— Но ведь папа скоро сам приедет, он же написал тебе!

— А когда будет папино чкоро?

Однажды, когда Ирины Андреевны не было дома, раздался резкий, незнакомый звонок. Бабушка побежала открывать дверь и, крикнув: «Сынок!» — обняла военного человека. Тогда Наташа тоже подбежала:

— Папа!

Военный посмотрел на нее, широко раскрыл глаза от удивления и медленно проговорил:

— Это что за человек?

Бабушка рассердилась вдруг на него:

— Володя! Ну как тебе не стыдно! Неужели ты не узнал

дочку Ирины — Наташу?.. А ты, детынька, — ласково обратилась она к Наташе, — как же ты-то перепутала! Это дядя Володя, брат твоей мамы, мой сын. Он только тем и похож на папу, что форма военная.

Бабушка говорила, а дядя Володя стоял все такой же удивленный и растерянный. Потом, когда бабушка строго посмотрела на него и осуждающе покачала головой, он вдруг засмеялся, хлопнул себя по лбу и сказал:

— Какой я дурень! Так это ты, моя племянница! Так выросла?

Он поднял Наташу, как перышко, выше своей головы и колючими губами поцеловал ее. И сразу началось веселье.

Дядя Володя затеял с Наташей игру в прятки. Сам он не умел прятаться — Наташа это сразу заметила и поэтому быстро его находила, — а ее, Наташу, никак не мог отыскать. Наташа сидит под столом, а он ищет ее в буфете, на книжных полках, даже в книжках! Раскрывая то одну, то другую книгу, он говорит:

— А может, она здесь, моя племянница?

Когда пришла домой Ирина Андреевна, она удивилась: Наташа была неузнаваема — бегала, визжала от радости, толкала дядю Володю. Куда девалась ее скованность! Ирина Андреевна ревниво посмотрела на брата. Сумел человек растормошить девочку!

К огорчению Наташи, дядя Володя пробыл всего сутки. Он сказал, что приедет к ней снова, когда побьет всех фашистов.

Наконец была получена долгожданная телеграмма: «Буду двадцатого Киевском вокзале шесть утра».

Укладываясь спать, Наташа знала, что завтра, когда проснется, папа уже будет дома.

Она проснулась ночью и разбудила бабушку:

— Папа приехал?

— Да что ты! — заворчала бабушка. — Ночь еще, я только уснула. Он завтра приедет.

Наташа просыпалась еще несколько раз, но в квартире было тихо, темно. А потом она крепко-крепко уснула,

Антон Иванович едет с женой с вокзала. Ему не хочется ни о чем рассказывать, хотя поездка была интересной. Он не хочет и жену одолевать вопросами. Скоро он сам увидит дочку. Не надо бы сейчас вспоминать родное личико сына с каштановой челочкой. Не надо сравнивать или противопоставлять. Но он поневоле вспоминает Сережу. К горлу подкатывается ком, душит...

Квартира встречает хозяина ласково. Как всегда при встречах после долгой разлуки, стол накрыт и по квартире разносится аромат традиционных бабушкиных пирогов. Но сегодня Антон Иванович этого не замечает.

— Где она? — спрашивает он бабушку.

— Наташа спит еще! — отвечает та.

Но он не ждет, распахивает дверь в комнату и подходит к маленькой кровати.

Наташа тотчас открывает глаза.

— Папа!!!

— Я, дочка!

Она вскакивает, теплыми ручонками обнимает его, целует. А он, прижавшись к ее тельцу, весь замер, счастливый от детской ласки, доверчивости. Потом отстранил ее немного от себя, посмотрел на сонное личико с ярким крупным ртом, розовыми щечками, чистыми глазками и снова прижал к себе:

— Радость ты моя! Солнышко!..

Бабушка, закрыв лицо фартуком, вздрагивала всем телом. Ирина Андреевна стояла и не замечала, как текли слезы по ее щекам.

Где-то там, на работе, Антон Иванович главный. За ним часто приезжает машина, ему звонят по телефону, о чем-то спрашивают, советуются. Но дома хозяева они, женщины: Ирина Андреевна, бабушка и Наташа. Конечно, главная хозяйка — Ирина Андреевна. Но Антон Иванович не всегда ее слушается. Вот если чего-нибудь захочет Наташа, ей он никогда ни в чем не откажет. И Наташа, сама еще беспомощная и неловкая, сразу почувствовала свою власть над отцом.

— *Радость ты моя! Солнышко!..*

Она не злоупотребляет этой властью. Нет. Дочка умная, понимает, что папа приезжает с работы усталый, немножко сердитый. И, как мама уже рассказывала, глаза у него становятся действительно круглые, невнимательные, как будто он никого не видит. Но обнимет его Наташа теплыми, мягкими ручонками, поцелует в колючую щеку влажными губками — папка сразу заулыбается. Глаза становятся узкими, как щелочки, веселыми и хитрыми.

Наташа помогает накрывать на стол, когда отец приезжает обедать, укрывает его пледом, когда он ложится на диван отдыхать. Если папа спит, ходит тихонько, на цыпочках. Отдохнул отец — Наташа к нему, и вся власть в ее руках. Захочет Наташа играть в прятки — ну что ж, отец не возражает! Но этого не любит бабушка, потому что в квартире все становится вверх дном и так шумно, что хоть уши затыкай. Захочет Наташа гулять — пожалуйста, с удовольствием! Только, конечно, ненадолго. Папа и вечером уезжает на работу. А возвращается, когда Наташа десятый сон видит.

Ирина Андреевна удивлялась — видно, с возрастом человек становится мягче, добрее: Антон гораздо строже и трезвее относился к своему сыну. Конечно, Наташа больше всего нуждается в ласке. Но Антон Иванович уж слишком ее балует. Надо вырастить хорошего человека. Жизнь — не легкая прогулка по накатанной дорожке. С первых шагов на пути встречаются ямки, бугорки, а потом могут встретиться и большие ухабы. Надо уметь направить человека: вовремя поддержать его, уметь не только поощрять, но и сказать «нет», «нельзя», «плохо». У Березовых как-то само собой получилось, что неприятная и тяжелая сторона воспитания легла на Ирину Андреевну. Когда она упрекала в этом мужа, Антон Иванович оправдывался:

— Ты права, Иринушка. Но что я могу сделать? Я так мало ее вижу! Да и не знаю, как мне ее воспитывать. Ты подскажи. Хотя она, плутовка, все равно меня не послушается!

А, видно, Антону Ивановичу очень приятна была мысль, что Наташа его не послушается, потому что при этих словах он

так довольно улыбался, что Ирина Андреевна понимала всю бесполезность таких разговоров.

Для Наташи непререкаемым авторитетом была только мать. Если в действиях отца она замечала слишком большую самостоятельность, то обязательно спрашивала:

— Папа, а ты маму чпрочил? Она рачречила?

Антон Иванович, пряча улыбку, отвечал:

— Конечно, спросил! Разве можно без разрешения мамы такое затевать!

Затеи были довольно однообразные, но всегда приятные для отца и дочери. В воскресенье они отправлялись вдвоем гулять.

— Одевайте мою дочку покрасивее! — громко командовал Антон Иванович. — Мы уходим!.. Куда? Это секрет. К обеду вернемся!

Домой возвращались с новыми игрушками, с конфетами в кулечке и молча, покорно выслушивали упреки матери или бабушки за опоздание, за то, что Наташа чего-то наелась и теперь отказывается от обеда.

Ирине Андреевне стало казаться, что Наташа больше любит отца. Он всегда для девочки праздник. С ним связаны только удовольствия. Так, вероятно, думал и Антон Иванович. И однажды, желая похвастаться своей победой, он затеял шуточный разговор:

— Наташа! Я скоро поеду в командировку на юг. Там тепло, море, в котором можно купаться, много фруктов и вкусных конфет. Поедешь со мной?

— Ч мамой, — спокойно ответила Наташа.

Бабушка, подмигнув Антону Ивановичу, обратилась к Наташе:

— А если папа и я останемся дома, а мама поедет, — как ты?

— Ч мамой!

— А если, — на ходу придумывая вариант, заговорил Антон Иванович, — я и бабушка...

Наташа махнула рукой и не дала ему договорить:

— Ч мамой, только ч мамой!

Все засмеялись, а бабушка подвела итог:

— Нам с тобой, Антоша, никакого доверия. Ты конфетки, я котлетки, а она «только с мамой»! Как говорится: «У Фили пили, Филию и побили».

И, хоть бабушка сказала, что «Филию побили», Наташе было ясно, что никто не обиделся. Ведь и папа и бабушка тоже любят маму. Папа всегда говорит, что мамуся хорошая и все они должны ее слушаться. Бабушка тоже считает маму главной. Нередко она говорит Наташе:

«А что мать скажет? Ей это понравится? Смотри, девка, как бы нам с тобой не нагорело!»

С бабушкой Наташа очень подружилась. И не только потому, что они вместе готовили обед, вместе ходили гулять и спали в одной комнате. С бабушкой было весело и интересно, потому что они много разговаривали. Конечно, говорила больше бабушка, потому что она давно живет на свете, многое в жизни видала, слыхала и сама пережила.

Пожалуй, никому, кроме Наташи, Екатерина Павловна не рассказывала о своей жизни. Кто будет слушать? А Наташа слушает внимательно, не сводит с нее своих ясных глаз. Она многого, конечно, не понимает, но Екатерина Павловна не старается говорить так, чтоб девочка все поняла. Она «душу свою отводит» перед внучкой.

Жизнь бабушки была трудной. Жила в деревне, в нищете и бедности. Родила одиннадцать детей — семь мальчиков, четыре девочки. Трое умерли младенцами, от болезней, остальные, слава богу, все выросли.

— Кругом всегда была куча ребят. Бывало, хочу позвать одного — не вспомню, как зовут: «Ванятка, Васятка, Мишатка, Душка, Полюшка, Аришка... Тьфу ты! Федька! Тебя зову!»

Когда умер муж, старшие дети были уже взрослые. Сами пахали, сами молотили. Жили отдельным хозяйством, колхозов-то еще не было. Самый младший сын — Володя. Для Наташи он дядя Володя.

— Он побьет фашистов? — спрашивает Наташа.

— Побьет. Раз обещал, значит сделает!

Грамоте бабушка выучилась, когда подросли дети. Учил ее сын Михаил, который теперь тоже на фронте. Бабушка любит читать и газеты и книги. Вслух она читает плохо, медленно и нараспев. Поэтому она про себя читает, а потом рассказывает Наташе:

— Опять наши наступают. Скоро придут в Берлин. Так вам, фашистам, и надо! Не лезь в чужой огород!..

Бабушка любит читать Чехова, Горького, Толстого. Прочитает и обязательно перескажет Наташе. Наташа смеется над Ваней. Глупый! Не хочет признаться, что съел одну сливу! Она горько плачет над судьбой Ваньки Жукова, который не знал адреса своего дедушки.

Сказки бабушка не любит рассказывать:

— Вон включи радио и слушай! Там хорошо артисты рассказывают, я так не умею. И не люблю я эти выдумки.

Зато на пословицы, поговорки бабушка была очень щедра. На каждый случай в ее памяти мгновенно отыскиваются самые меткие изречения. В приметы бабушка не верит, но не упустит случая заметить, что, если в ушах звенит, это кто-то лихом поминает, икнулось — добро вспомнулось, ресница выпадет — к подарку, губы чешутся — к гостинцу. Последние две приметы у Наташи всегда почти сбывались.

Уже взрослая, Наташа помнила все загадки, которые они разгадывали с бабушкой, и скороговорки, которые ей так трудно было выговаривать. Бабушка до слез смеялась над ней.

Постепенно Наташа осванвалась в новой жизни. Она никогда не вспоминала Ленинград. Быть может, в первое время и вспоминала, да говорить об этом не умела и не решалась. А потом и действительно забыла, потому что никто и никогда не напоминал ей об этом. Зато как жилось Наташе в Москве, все помнится и по всякому поводу вспоминается. Ну, а если взять семейный альбом Березовых да перелистать его, то, как на пленке диафильма, пройдет перед глазами вся жизнь Наташи Березовой.

Глава V

Альбом был большой, тяжелый, в толстом коричневом переплете. В нем хранились все лучшие семейные фотографии, начиная с того времени, когда Наташа приехала в Москву. Почему нет фотографий раннего детства? Очень просто. Была война, эвакуация. Где уж тут фотографироваться!

В конце войны Березова премировали на работе хорошим фотоаппаратом. Проявлять и печатать фотографии Антон Иванович не любил, да и не хватало у него на это времени. Потому пленки он отдавал специалисту-фотографу. Но фотографировал он охотно и сам наклеивал карточки в альбом, отбирая самые удачные.

Удачными снимками Антон Иванович считал не только те, где хорошо выходили лица и фигуры, но главным образом те, где отражались важные и интересные семейные события. Поэтому каждая фотография воскрешала в памяти какой-либо эпизод. Каждая страница альбома — это новая ступенька в жизни семьи, и чаще всего — в жизни Наташи.

Ирину Андреевну и Наташу Антон Иванович фотографировал всегда и везде — в комнате, на улице, зимой и летом, с яркой электрической лампочкой и при дневном, солнечном свете. Вот уж надоедал он им!

— Остановитесь! Вот так, спокойно! Наташа, поверни голову, посмотри на маму. Поправь волосики! Ну так, снимаю... Ира, почему ты так хмуришься? Солнце? Потерпи немного.

Приходилось терпеть. Но теперь Ирина Андреевна и Наташа с удовольствием смотрят на фотографии.

Вот первая, на всю страницу, фотография. Наташа сидит на ковре в окружении веселой компании. На коленях у нее кукла, та самая кукла с закрывающимися глазами, которая еще в письме была обещана Антоном Ивановичем. Справа и слева от Наташи расположились в смешных позах плюшевый мишка и крохотная обезьянка. У ног девочки уселась маленькая собачка — она сторожит выстроенную из кубиков будку.

Ну что ж! Видно, помаленьку устраивается человек, налаживает хозяйство. Но сама Наташа, несмотря на веселое окружение, красивое пышное платье и великолепный бант, будто не вошла еще в роль полновластной хозяйки. Большие глаза девочки смотрят удивленно и немного испуганно.

Вот они двое — мать и дочь — сняты в рост у стволов деревьев. Мать высокая, стройная, еще молодая женщина. А дочь совсем маленькая. Снимок сделан на даче, в Краскове, где Березовы сняли дачу в то лето после болезни Наташи.

Ирина Андреевна, глядя на фотографию, улыбается: сосна и елочка!

На участке около их дачи стояла большая сосна. Ее ствол тянулся высоко в небо, и там, на просторе, она раскинула крону. А совсем рядом росла елочка. Свои неглубокие корни елочка разместила между корнями сосны и лапками нежно тянулась к стволу коренастой подруги. Елочка была совсем маленькая, она только начинала жить, и сосна защищала неокрепшее деревце от дождя и ветра, от знойного солнца и лихого мороза. Наташа сразу заметила дружную лесную пару.

— Мамуча! Это ты и я! — и обняла Ирину Андреевну у колен.

— Значит, ты — елочка, а я — сосенка.

Ирина Андреевна уверяла мужа, что у Наташи поэтическое восприятие мира. Тот согласился и добавил:

— Вообще девочка необыкновенная! На миллион — одна такая! Я это говорю не потому, что она наша дочь, а совершенно объективно.

Это было очевидным преувеличением. Но кто станет возражать?

В альбоме множество снимков Березова с дочкой. Эти фотографии делались так. Антон Иванович вымерял расстояние, наводил фокус, потом передавал аппарат Ирине Андреевне, а сам становился рядом с Наташей и подавал команду. Ирина Андреевна, глядя в глазок фотоаппарата, щелкала кнопкой. Странно, но и эти снимки получались неплохими.

Вот отец и дочь, взявшись за руки, идут по дачной просеке. Вот дочка на коленях у отца, и он целует ее в щеку. Вот они в рост. Вот их лица крупным планом. Оба они заразительно хохочут.

«До чего же похожи друг на друга!» — говорят теперь все, кто смотрит на эти фотографии.

Самая лучшая фотография альбома та, где Наташа снята за мытьем посуды. Она стоит перед табуреткой с блестящим эмалированным тазиком и моет чайную чашку. На девочке платье в горошек и фартук с кармашком. Через плечо перекинута посудное полотенце. Волосы отросли, и теперь торчат две косички с бантиками.

Как все-таки люди меняются! На этой фотографии не сразу узнаешь Наташу. Оказывается, у нее озорное личико с вздернутым носиком и блестками в смеющихся глазах.

Эту фотографию Антон Иванович увеличил, и она в рамке висит на стене перед его письменным столом.

Бабушке, Екатерине Павловне, фотография совсем не нравилась.

— Подумаешь, картину повесили! Платье будничное, снимали в кухне... Ну какая тут красота?

Бабушка считала, что фотографироваться запросто, без специальной подготовки, неприлично. Когда Антон Иванович неожиданно наводил глазок фотоаппарата на Наташу и бабушку, Екатерина Павловна демонстративно отворачивалась.

Поэтому на некоторых снимках бабушка видна со спины, где-то на втором плане. Когда такие фотографии помещались в альбом, она сердилась:

— На смех людям меня выставляете!

— Но вас здесь никто не узнает! — оправдывался Антон Иванович. — Зато смотрите, какая Наташа хорошая!

Когда Екатерина Павловна снималась «по-настоящему» — в праздничном платье, с прилизанными волосами, на снимках трудно было узнать бабушку с ее мягким, добрым лицом и мудрым взглядом. С фотографии смотрела сердитая чужая женщина.

Теперь Ирина Андреевна и Наташа очень жалеют, что не сохранилось ни одной хорошей фотографии бабушки. Екатерина Павловна за эти годы очень изменилась. Когда Наташа приехала в Москву, бабушке было пятьдесят пять лет, она была еще крепкая, статная. Теперь ей семьдесят. Лицо изрезано морщинами, вся она сторбилась, высохла.

Не только годы состарили Екатерину Павловну. Состарилось и горе. С войны не вернулся ее сын Володя. Хороший, веселый дядя Володя...

Наташа, как Снегурочка, стоит в белой меховой шубке, в белом капоре, с белой муфтой. Кругом заснеженные ели. Чуть-чуть фантазии — и можно подумать, что затерялась девочка в дремучем лесу. На самом деле снимок сделан в Подмоскovie, в Архангельском, куда Наташа приезжала навещать мать.

У Ирины Андреевны впервые тогда было обнаружено сердечное заболевание. Осенью она ездила на могилу сына — поставила ограду, посеяла многолетние цветы. А домой приехала больная, с ангиной. И после этого почувствовала свое сердце.

На квадратных полянах старинного юсуповского парка были посажены серебристые ели. Совсем рядом — три елочки, как три сестрички: старшая, средняя и младшая. Младшая была немножко выше Наташи. У этих елочек Антон Иванович и сфотографировал дочку.

Наташа помнит Архангельское. Там в парке она видела ручных белок и храбрых синичек. Синички клюют семечки прямо с руки. Стоит дядя военный на аллее с протянутой рукой, как будто что просит. На самом деле он синичек угощает, на ладони у него семечки. Синички порхают на ветках, поглядывают на дядю — не страшно ли? А потом самая храбрая подлетит да и схватит семечко. За ней и вторая. А дядя доволен, улыбается!

А еще интереснее белки. Те, как увидят в руках человека орешки, тут же — скок с дерева! Есть осторожные белки, берут орешки только с земли, да и то если человек отойдет подальше. А есть отчаянные: прямо со ствола — на руку, и начинают грызть орешки. Только белка не грызет орех, а распиливает его зубами. Смотреть на это очень забавно. Недаром около белок всегда толпа собирается. Белка не боится людей, грызет себе на здоровье. Но стоит человеку, который кормит белку, сделать малейшее подозрительное движение или вороне каркнуть поблизости, белка прыг наверх и была такова! Вот и зовут ее снова, приглашают кто как умеет. Иные называют по именам:

— Белла! Беллочка!

— Яша! Яшенька! Ну не бойся!

Историю с бельчонок Яшкой Наташа запомнила надолго. Эту историю рассказал ей и бабушке военный, который кормил белку.

«Был тут один полковник, — говорил военный. — Приручил он Яшку так, что бельчонок в карман его лазил за орехами. Пришло время полковнику уезжать. Он взял да и увез с собой Яшку. То ли внукам игрушку хотел привезти, то ли самому жалко было с Яшкой расставаться, неизвестно. Переч отъездом полковник похвастался своему соседу по комнате. Дескать, забираю с собой Яшку, вот он, в мешочке. Сосед начал уговаривать: «Брось ты эти глупости, зачем зверушку губишь?» Полковник не послушался, увез Яшку. А надо сказать, бельчонок этот был всеобщим любимцем санатория. Как узнали больные, что Яшки не стало, — а узнали они сразу, от

соседа полковника, — прямо к начальнику санатория. «Что, — говорят, — за безобразие! Возмутительный случай — Яшку увезли! Немедленно принимайте меры, мы этого не потерпим!» Начальник успокаивает: «Идите, не волнуйтесь, вернем Яшку непременно!» И что вы думаете? Отыскал начальник санатория этого полковника. На другой день тот привез Яшку сам. «Извините, — говорит, — сделал ошибку». А начальник ему: «Вы идите в корпус и выпустите Яшку на глазах у больных, иначе они не поверят, что вы вернули бельчонка. Кстати, перед ними и извинитесь». Так вернулся Яшка в свое дупло. Только веру в людей надолго потерял. Говорят, целый месяц ни у кого орехов из рук не брал»...

Наташе очень понравилась история бельчонка Яшки, и ей казалось, что бабушка совсем некстати сказала тогда военному дяде:

— Смотрю я на вас и думаю. Вот вы военный человек, в большом, видно, чине. Наверное, всю войну прошли и всякое в жизни видали, а сердце добрым сохранили. Людей-то больше добрых да ласковых ко всему живому. А вот находятся подлецы вроде фашистов, и люди начинают убивать друг друга. Неужели опять когда-нибудь начнется война? Неужели хорошие люди допустят до этого?

Военный стал разговаривать с бабушкой, а бельчонок взял и убежал.

Новая страничка альбома, и вот Наташа со своими новыми друзьями. Сероглазая, чернобровая Маринка — первая московская подружка Наташи. Живет она в одном с Наташей подъезде, этажом ниже. Маринка на полгода моложе Наташи, но такая шустрая и смелая, что сразу стала командиром. Наташа охотно ей подчинялась. С Маринкой совсем не страшно во дворе. Попробуй подойди чужой мальчишка — такой крик поднимет, что тот с испугу сразу улизнет.

Наташа и Марина неразлучны. Гуляют вместе, а только придет Наташа домой — звонок в дверь: «Наташа дома?»

Это Маринка. Она только что попрощалась и тут же снова к Наташе.

А это что за снимок? Новогодняя елка! Надо хорошенько рассмотреть и разобраться. Вот стоит Снегурочка. Это Наташа, ее легко узнать. Ну, а кто же Кот в сапогах? Не узнать, что Маринка. Никогда не догадаешься. А Дед Мороз с большой бородой? Это Женя Ванин.

Женя Ванин... Не он ли стал причиной тягостного разговора Ирины Андреевны с Наташей? Хочется вспомнить детскую дружбу Наташи с Женей. Придется вспомнить, хоть это и неприятно, Динару Васильевну...

Глава VI

Никогда Ирина Андреевна не стала бы встречаться с Динарой Васильевной Ваниной, если бы не дружба их мужей.

После войны Березов стал ведущим авиаконструктором вновь созданного конструкторского бюро. Федор Петрович Ванин был летчиком-испытателем и проводил основные испытания самолетов опытного завода, где работал Березов. Их дружба была спаяна общей работой, взаимной ответственностью друг перед другом.

Ванин и Березов любили друг друга, и не только потому, что дружно работали, но и просто по-человечески. Они с удовольствием проводили вместе свободное время за праздничным столом или на прогулке.

Ирине Андреевне нравился Федор Петрович. Русоголовый, голубоглазый, всегда улыбающийся, он напоминал ей сказочного Иванушку — доброго, простоватого и удачливого. Ирина Андреевна как-то сказала об этом Антону Ивановичу.

— Вот именно сказочный! — засмеялся тот. — Насколько

мне помнится, сказочный Иванушка-дурачок всегда оказывался самым умным и самым храбрым. Вот так же обманчива и внешность Федора. Ты подумай только, как может летчик-испытатель, испытывающий сейчас первые реактивные самолеты, быть простоватым? Ванин человек острого, напряженного ума, редкой отваги — отваги уверенного в себе человека. Это первоклассный летчик-испытатель, с талантом и опытом, редкой трудоспособностью и выносливостью. Ты послушала бы, как он с нами, инженерами, разговаривает, тебе не пришло бы в голову считать его простоватым. А то, как он за столом дурака валяет да анекдоты рассказывает,—это действительно похоже на Иванушку-дурачка. Федору нравится роль простоватого деревенского парня, и он охотно играет эту роль.

Жена Ванина, Динара Васильевна, была худая высокая женщина, на полголовы выше Ванина, с недобрим выражением остроного лица. Держалась Динара Васильевна жеманно, говорила «академия», «библиотека», «студенты», делая ударение на «э», с французским прононсом.

Чуть ли не при первом же знакомстве с Березовыми она, укоряя мужа в какой-то бестактности, сказала Ирине Андреевне:

— Вы уж извините Федора: простоват он у меня. Сколько раз я ему говорила, что положение обязывает. Нельзя же забывать, что мы из первого миллиона...

— Что вы сказали? — удивилась Ирина Андреевна.

— Говорю — из первого миллиона! Таких, как Федор, по положению и заработку не больше миллиона в нашей стране.

Ирина Андреевна засмеялась:

— Ну, знаете, таких, как ваш Федор Петрович, немного. У него вся грудь в орденах.

— Это теперь мало что дает, — ответила Динара Васильевна.

Когда-то на сева­стопольском бульваре молодой летчик морской авиации Ванин увидел девушку, высокую, строгую, одетую в голубое платье, и сразу влюбился в нее. Она казалась ему не просто красивой, а величественной и недосяга-

мой. Мнение о недостижимости довольно быстро изменилось. Дуся — так ее звали в ту пору — неожиданно быстро согласилась стать женой Федора. В отношении красоты, величественности и прочих качеств заблуждение Ванин сохранил на многие годы.

Дуся всегда и всюду с удивительным постоянством подчеркивала свое превосходство над мужем и учила его «хорошим манерам». Федор выслушивал поучения Дуси, улыбался и продолжал оставаться самим собой.

За годы их совместной жизни Ванин кончил вечерний рабфак, академию имени Жуковского и стал признанным асом. Дуся в эти годы сменила простое имя Евдокии, которое получила при рождении, на Динару, но ничего не прибавила к пяти классам, которые окончила еще в детстве. Однако она продолжала поучать Федора и утверждала, что вывела его в люди, что без нее он остался бы неотесанным деревенским парнем.

Чего нельзя было отнять у Динары Васильевны, так это умения вести хозяйство. Хозяйство было целью ее жизни, гордостью ее тщеславной натуры, в нем раскрывался весь ее талант домохозяйки. Гости, которые бывали в доме Ваниных, всегда ставили в пример Динару Васильевну. Уж эта умеет угостить! Такого шашлыка, таких чебуреков и всевозможных салатов нигде не приходилось есть. На стол подавались необыкновенного вкуса моченые яблоки, маринованные и соленые огурцы и помидоры, соленая капуста кочанами.

Динара Васильевна, гордая своим искусством, замечала:

— Все со своего дачного огорода! Ничего покупного. И все я сама, работницы у меня нет. Представляете, как весна — я с утра до ночи на участке. У Милочки слабое здоровье.

У Ваниных была дочь Милочка — омоложенное издание Динары Васильевны, девица с томным взглядом, крашеными ресницами, с длинными перламутровыми ногтями. Милочку обучали музыке, и, когда она, по просьбе матери, играла для гостей на пианино, слышно было, как шуршат по клавишам длинные ногти.

А еще был у Ваниных мальчик Женя, очень похожий на

Федора Петровича. Такой же плотный и широкоплечий, с такими же голубыми глазами и русыми волосами. Только волосы у Жени густые и короткие, а у Федора Петровича — длинные и поредевшие. И улыбались они по-разному. У Федора Петровича улыбка широкая, смелая и с хитрецей, а Женя улыбался застенчиво и смотрел немножко исподлобья.

— Как похож на вас сынок! — сказала Ирина Андреевна Федору Петровичу, когда впервые пришла к Ваниным вместе с Наташей.

Федор Петрович положил руку на плечо мальчика и, неожиданно сконфузившись, сказал:

— Это мой племянник.

— Да что вы говорите? Удивительно похож! Как родной сынок!

Жене тогда было восемь лет, и он учился в школе. А Наташе только пять. Но они сразу нашли общий язык. Женя повел ее в какую-то маленькую комнату за кухней, заставленную банками и кадками. Здесь стояли его кровать и столик. Женя показал Наташе слепленные из пластилина фигурки собачек, кошек, слонов, петухов.

— Хочешь, я сейчас слеплю для тебя слонов, и больших и маленьких? — спросил он Наташу.

— Хочу!

Женя взял пластилин, размял его, и очень быстро из бесформенного комочка стал вырисовываться слон с хоботом и большими ушами. Когда Женя лепил, Наташа заметила, что на одной руке у него только три пальца.

— А почему у тебя так мало пальчиков? — спросила испуганно она.

Женя резко отдернул руку за спину, страшно покраснел, опустив глаза, и молчал. Но потом исподлобья глянул в широко открытые, удивленные и вопрошающие Наташины глаза и тихо сказал:

— Мне их в больнице отрезали. Они были отморожены. Это когда я от фашистов убежал.

И снова начал лепить.

...Женя шел с мамой по дороге, забитой людьми и повозками. У всех были вещи — в руках, перекинутые через плечи, за спинами, в рюкзаках. Шли быстро, спешили убежать от фашистов. И вдруг налетели самолеты с черной свастикой и начали стрелять в людей. Люди побежали с дороги к лесу. Женя держал маму за руку и тоже бежал. Вдруг мама упала. Женя хотел остановиться, но его захватила толпа, и он вместе с ней побежал дальше. Он бежал по полю, плакал, звал маму, но продолжал бежать. Потом бежал по лесу. И наконец оказалось, что он остался один-одинешенек в огромном лесу. Как это было страшно, Женя помнит до сих пор.

Вот он сидит на пенечке. Кругом высокие, дремучие ели и маленькие елочки. С неба падает хлопьями белый снег. Вся земля в лесу, все деревья покрыты белым снегом. И тихо-тихо кругом. Женя боится плакать, звать маму. Он боится спугнуть эту тишину. Закричит — и вдруг набросятся на него лесные чудовища! Нет, лучше молчать и сидеть тихонько.

Женя тепло одет. На нем валенки с калошками, теплая шубка и шапка-ушанка. Варезки не потерялись, они были пришиты к тесемке, протянутой через вешалку. Но Женя давно уже сидит на пенечке, и ему становится холодно.

И вдруг налетел ветер. Он закачал верхушки деревьев, и на Женю посыпалась снежная пурга. Женя вскочил и побежал, сам не зная куда. Ветер подталкивал и гнал его.

Весь лес качался и чернел. Большие сосны скрипели и готовы были повалиться. Брызги снега, сброшенного ветром с деревьев, пробивали рябины на снежном лесном покрове. Уже кончился лес, а Женя все бежал и бежал, пока не упал без сил...

Его нашли советские солдаты. Сильными шершавыми руками они растирали застывшие руки и ноги мальчика, терли его нос и щеки.

А потом — больница и ужасная боль в пальцах левой руки и левой ноги. Нестерпимо болели пальчики, которые уже были отняты.

Женя плакал и звал маму.

— Ты лежи спокойно, не плачь! — уговаривала медицинская сестра, поглаживая его мягкие светлые волосы. — Мама потом приедет.

Нет, мама не приедет. Если она не нашла его в лесу, если нет ее сейчас, значит, нет больше мамы. Так ли подумал Женя или иначе, по-своему, но он с того времени не звал больше маму. Да и отвлекли его иные, хорошие, даже веселые события.

Шутка ли сказать, в больнице сотни взрослых мужчин — солдат и офицеров, а самым знатным человеком оказался он, Женя. Его здоровьем все интересовались. В госпитале не было человека, который с утра не спросил бы, а как сегодня чувствует себя Женя. В палату, где лежал мальчик, приходило столько гостей, что доктор не на шутку сердился:

— Что ж это за безобразие! Прикажете вооруженную охрану ставить?

Возмущались и медицинские сестры:

— Ну разве ребенок может столько гостинцев съесть? С ума сошли, всё сюда тащат!

Когда Женя стал ходить, его наперебой зазывали в палаты:

— Женечка! К нам заходи! Мы тебя давно ждем!

— Ребята! Смотрите, кто к нам идет!..

Женя был мальчик общительный. Он охотно разговаривал, читал наизусть книги «Мойдодыр» и «Человек рассеянный». В госпитале все знали, что папа у Жени на фронте, что жил он в Можайске, знали, на какой улице и в какой квартире. Знали и о том, что дома у Жени остался новый трехколесный велосипед, который подарил ему в день рождения дядя. Дядя? Да, у Жени есть дядя, летчик, с орденами, и фамилия его тоже Ванин.

— До чего ж умен паренек! — радовались на Женю бойцы. — Все на свете знает! Этот не пропадет! Найдутся и родители и родственники!

Человеческая память капризна. Иногда она отбрасывает важные события и сохраняет то, что, казалось, могло бы не оставить следа. Женя не помнит мать, не помнит, как шел с

ней по дороге, как налетели самолеты на беззащитных людей. Но госпиталь он помнит. Помнит ласковых, хороших людей, помнит и боль в пальцах, которых у него уже не было. И лес, одинокий снежный холодный лес, злой лесной ветер и страшный скрип деревьев. Все это на долгие годы врезалось ему в память. Мальчик боится леса, боится одиночества, даже если он находится в квартире.

Грустную историю Жени рассказал Березову сам Федор Петрович.

— Вот она какая, война-то!.. Никого не пощадила. Редкая семья осталась в целости.

Антон Иванович добавил:

— Да, построить разрушенное жилье, фабрики, заводы — это не самое трудное. А вот кто вернет сиротам погибших отцов и матерей? Кто восстановит здоровье искалеченных людей? Кто, наконец, вернет украденное детство? Ну в самом деле, за что война обидела вашего голубоглазого Женю? За что она убила моего сына и чуть не погубила Наташу?

Взволнованный историей Жени, раздумьем о войне Антон Иванович рассказал Ванину о том, как погиб сынишка Сережа и как появилась у них Наташа.

В те дни, когда Ирина Андреевна привезла Наташу из Ленинграда и девочка заболела, в волнении и суматохе Березовы не были достаточно осторожны. Секретарша, которая явилась посредницей в разговорах по телефону, и еще один работник наркомата, оказавший медицинскую помощь, узнали об истории Наташи. Но тогда же Антон Иванович просил обоих держать это в секрете. Как видно, они сдержали слово. Теперь узнал об этом Ванин. Антон Иванович, сам не зная как, расчувствовался и нарушил свое обещание жене — никогда и никому не рассказывать о Наташе. Но, в конце концов, не разболтает же Ванин! Тем более, он и его предупредил — просил никому, даже жене, не говорить. И Ванин дал честное слово. Нельзя же не верить друзьям!

Но если Антон Иванович вполне доверился другу, то Ва-

нин, рассказывая историю Жени, не был достаточно откровенен с Березовым.

Первое время жизнь у дяди была сплошным праздником для Жени. Его ласкали, закармливали вкусными вещами, баловали подарками и красиво одевали. Один костюм был точь-в-точь такой, как у дяди Феди, — летчиковский. А что значит иметь такой костюм в военное время!

Федор Петрович искренне обрадовался, что его разыскали работники детского дома, куда Женя попал после госпиталя. Дочь, Милочка, — уже взрослая, о сыне он всегда мечтал. Если отец Жени не вернется с фронта, он будет их сыном.

Динара Васильевна тоже была довольна, что у них появился Женя. Во-первых, Федор для нее и Милочки выхлопотал пропуск в Москву в такое время, когда никто еще не возвращался из эвакуации. Во-вторых—и это самое главное, — ребенок избавлял ее от трудовой повинности. Ну скажите, разве это не безобразие, что ее, жену видного летчика, посылают копать картошку или мыть посуду в госпитале! Теперь попробуй прицепись к ней! О тех, кто берет на воспитание осиротевших детей, даже в газетах пишут. И ей будет почет. А хлопот не так уж много. Ребенок не грудной. Да и ненадолго это. Если мать погибла, вернется отец Жени.

Она приглашала к себе всех знакомых и в сотый раз рассказывала о том, как Федор ей позвонил по телефону в Казань, и как она сразу же сказала: «Конечно, возьмем мальчика», и как Женя любит покушать, и как она взяла для него домашнюю портниху. И так далее, и так далее. Следующим гостям она уже рассказывала, что Фролова назвала ее доброй душой, а Петрова так ее хвалила, что и говорить неудобно. По поводу самого Жени она сокрушалась:

— Боюсь, избалуем его. Федор совсем не умеет воспитывать детей.

Если Федор Петрович был дома, он не отпускал от себя Женю ни на шаг. Обедать? Только вместе! Что? Женя уже кушал? Ничего, может еще раз. Он испытывал к племяннику

сложное чувство любви и жалости. Глядя на него, он не мог забыть, что пережил этот мальчик. И, даже когда Женя веселился, заразительно смеялся, чувство горечи не покидало Федора Петровича.

Женя полюбил своего дядю беззаветной мальчишеской любовью. Дядя Федя был его гордостью, его героем. Когда Женю спрашивали, кем он будет, отвечал:

— Дядей Федей.

Но с некоторых пор не только Федор Петрович, но и Женя стал замечать, что Милочка сердится, когда им обоим становится особенно весело. Динара Васильевна тоже начинала хмуриться и в таких случаях часто говорила:

— Женя, дяде надо отдохнуть. Иди погуляй!

Сквозь неприкрытую дверь Женя часто слышал, как сердито начинали разговаривать тетя и Милочка:

— До каких пор ты будешь с ним цацкаться? — кричала Милочка.

— Ты родную дочь перестал замечать! — еще громче упрекала Динара Васильевна.

Дядя оправдывался:

— Милочка, ты уже взрослая, в вуз собираешься, а он ребенок.

Тетя перебивала его:

— Мне твои родственники всю жизнь поперек горла стояли! Либо ты мне доверяешь воспитание племянника и пусть мое слово будет законом, либо сдавай обратно в детский дом.

Один, другой такой скандал — и Федор Петрович поневоле в присутствии жены и дочери становился все более сдержанным с племянником. А вдвоем им и не приходилось бывать. Динара Васильевна этого не допускала.

Постепенно и Женя отвыкал от «развязности», как говорила тетя, не бросался навстречу дяде, когда тот приходил домой, отказывался садиться за стол вместе с дядей, говорил, что сыт.

Время шло. Война подходила к концу, а писем от отца Женю все не было. Трудовой фронт уже не угрожал Динаре Ва-

сильевне, и она стала ежедневно жаловаться мужу, что Женя испорченный мальчишка и что он даже ворует. Федор Петрович привык верить Дусе. А тут и сам Женя сознался однажды, что съел без спроса пельмени.

— Почему ты так сделал? — допрашивал его Федор Петрович.

— Я есть хотел.

— Это не оправдание. Если хочешь есть, спроси тетю Дусю, она тебе даст.

Женя молчал. Дядя Федя был явно не осведомлен об истинном положении. Тетя Дуся всегда называет его обжорой. Не хочет он просить у нее ничего. Лучше будет голодный ходить.

Федор Петрович понимал, что Дуся невзлюбила племянника, придирается к нему. Но где же выход из положения? Мальчишка жив, здоров, и слава богу. Не может он постоянно ссориться и выносить истерики. Имеет он право на отдых у себя дома?

Таковыми были отношения в семье Ваниных, когда Березовы с ними познакомились.

Глава VII

Жене разрешалось гулять только во дворе, чтобы Динара Васильевна всегда могла видеть, с кем он и что делает. Но с кем бы Жене ни случилось играть, тетя всегда была недовольна: то мальчик «из плохой семьи», то хулиган. И только в отношении Наташи Березовой она ничего не говорила. Жене, конечно, интереснее иметь товарища, школьника. Но что ж поделаешь, если тете никто не нравится. А Наташа ничего, хорошая девочка. Идет Женя из школы, она увидит его и бежит навстречу:

— Женя! Я тут. Пойдем играть.

Женя положит портфель на скамейку рядом с бабушкой и начнет возить Наташу в санках или, если снег рыхлый, делает ей снежную бабу. Женина снежная баба получается смешная — широколицая, в платке и ватнике. А Снегурочка —

маленькая девочка в шубке и капоре, как Наташа. Прохожие останавливаются, подходят ближе и спрашивают Женю:

— Это кто же так слепил? Неужели ты сам?

Женя густо краснеет от смущения и молчит. А Наташа смеется, прыгает от восторга и отвечает за него:

— Он, он сам! Он все может из снега делать. Он и собачку сделает, и Деда Мороза.

Наташа гордится Женей и постоянно зовет его к себе домой. Но Женя отказывается и смотрит искоса на окна своей квартиры. Попробуй пойдешь он без разрешения тети!

Бабушка догадалась, почему Женя отказывается, и сказала об этом Ирине Андреевне. Та при встрече с Динарой Васильевной попросила за Женю:

— Если вы ничего не имеете против, пусть Женечка иногда к нам заходит. Конечно, в свободное время.

— Пожалуйста, — ответила та кисло. — Но только иногда. Женя плохо учится, ленится. Мог бы идти на все пятерки, а сн и тройки приносит. Страшно упрямый, скрытный.

— Да ничего. С детьми всякое бывает, — сказала Ирина Андреевна, чтобы хоть как-то ответить на сетования Динары Васильевны.

После этого разговора Женя стал часто заходить к Наташе. Придет и сразу затеет интересное дело: то построит сооружение из Наташиных стульчиков и кубиков, то нарисует что-то необыкновенное. Екатерина Павловна, если приходит Женя, сразу ставит на стол угощение для детей. Мальчик засиживается, и приходится ему напоминать:

— Женечка! Тебе пора домой. Тетя рассердится.

На новогоднюю елку к Наташе вместе с Женей пришла сама Динара Васильевна. Ирина Андреевна удивилась: дети большие и она не приглашала родителей.

Как видно, и Женя был недоволен. Он сидел скучный и молчаливый. Но потом развеселился. Ведь это же елка! Он переоделся в уцелевший еще с прошлой елки костюм Деда Мороза. Наташа оделась Снегурочкой. Марина стала Котом в сапогах. Все читали стихи, пели, плясали. Потом отыскивали конфеты на елке. Не так просто их найти среди блестящих игрушек!

Когда дети сели за стол и с аппетитом начали есть, Динара Васильевна сказала Жене:

— Женя, это не комильфо!

Было шумно, услышали эти слова только Женя и Ирина Андреевна, которая сидела рядом с Динарой Васильевной.

Женя перестал есть. Он опустил глаза, и было ясно, что ему стоит больших трудов удержать слезы.

Ирина Андреевна спросила Динару Васильевну:

— Почему не комильфо? Что такое сделал Женя?

— Вы не знаете, что такое комильфо? — тоном превосходства спросила Динара Васильевна. — Комильфо — это значит «как надо». Женя, например, ел сейчас с жадностью. Это не комильфо. Я не боюсь этого великосветского слова. Наши дети должны расти без хамства, а школа никакого внимания не обращает на манеры. Женя плохо воспитан. Начнет смеяться — хоть уши затыкай. По улице не ходит, а бежит. Разве это комильфо? Вы видели, какая у него уродливая рука? Говорю: прячь ее в карман — не хочет. А разве это комильфо? Женя! Ты опять! — обратилась она к племяннику, увидав, что он полез в вазу за конфетой.

— Ну, знаете, я с вами могу поспорить, — вежливо, но твердо сказала Ирина Андреевна. — «Комильфо» слово французское, и применялось оно в том значении, как вы понимаете, при французском дворе. То, что требовалось придворным людям прошлых веков, что считалось обязательным — так на-

до, — совсем не нужно нашим детям. Разве может ребенок всегда ходить тихо, медленно и спокойно? Не может и не должен. Вы находите, что Женя ест с жадностью, а по-моему, у мальчика хороший аппетит, и он очень приятно ест, аппетитно. А почему ребенок должен прятать свою руку, если на ней недостает пальцев? Что позорного в этом? Мне кажется, ему не следовало бы никогда напоминать о его несчастье.

— Мы с вами не сговоримся, наверное, — прервала ее Динара Васильевна. — Вам кажется, что Женя ведет себя хорошо, а я считаю, что плохо. Не так легко воспитывать чужого ребенка. К сожалению, от отца Жени так и нет известий. Придется мне нести на себе этот тяжелый крест...

Березовы понимали, что Жене плохо живется у тетки. Имеют ли они право молчать? А какие у них права, чтоб вмешиваться в чужую жизнь? Березовы не раз говорили о Жене на «семейных конференциях», как назвала Ирина Андреевна каждодневные разговоры о Наташе. Эти «конференции» происходили обычно поздней ночью, когда Антон Иванович возвращался с работы.

Хоть бабушка и ворчала, но Антон Иванович заходил ночью в комнату, целовал сонную Наташу, поправлял на ней одеяло и на цыпочках выходил. Тут и начиналась «конференция». Прежде чем рассказать о своей работе, выслушать Ирину Андреевну, обсуждалось все, что касалось Наташи, — как кушала, много ли гуляла, что говорила. Наташа долго не могла понять, откуда папка все знает. Только проснется — она же его разбудит — и уже знает, что было вчера.

Подростала Наташа — расширялся круг ее интересов, круг знакомых, сложнее стало проводить «конференции». Вот теперь Женя. Жалко мальчишку. Но чем поможешь? Сказать Динаре Васильевне напрямик — еще больше озлобится.

— Я поговорю с Федором откровенно, — твердо заявил Антон Иванович.

Но время шло, и, как видно, на такое объяснение у него не хватало духа. Но объяснение произошло. И первой начала его Наташа.

...В тот год Наташа с бабушкой выехали на дачу ранней весной, когда в лесу и на дачном участке около забора лежал еще снег. Хозяйка дачи ежедневно топила печку, и это было очень приятно. На улице, особенно вечерами, было холодно.

Только ели и сосны стояли зелеными, а все остальное в природе еще не одевалось в весенний наряд. Земля была покрыта серыми, прошлогодними листьями. На березах, липах и на кустарниках лишь обозначались еле заметные почки. Но с каждым днем почки становились крупнее и крупнее. После дождика они блестели на солнце, как бусы. Когда из этих почек распустились листья, Наташа и не углядела. Встала утром — на березке уже листики. Маленькие-маленькие! Не углядела и того, как на земле сквозь старую листву вдруг появилась свежая, зеленая травка.

В скворечнице поселились скворцы. Вот труженики! Летают с утра до вечера без перерыва, носят в свою новую квартиру все, что годится для гнездышка.

Ирина Андреевна работала в школе и на дачу приезжала только в субботу, вместе с Антоном Ивановичем. Наташа в Москву не ездила и думала, что до самой осени она не увидит ни Жени, ни Маринки. И как же она обрадовалась, когда в одно летнее воскресенье Антон Иванович сказал, что они все вместе — он, Наташа и мама — поедут к Жене.

Антон Иванович решил без приглашения поехать к Ваню на дачу. Федор лежал больной. При последнем полете, когда Ваня испытывал самолет на высоту, ему вдруг стало плохо. Каким-то чудом, а вернее, многолетним опытом, чутьем и отработанным рефлексом летчика-испытателя ему удалось посадить самолет на аэродром. Но сам он слег после этого в постель. У него обнаружили спазмы мозговых сосудов.

Дача Ванина была огорожена сплошным забором. У калитки был звонок. Наташа от нетерпения подпрыгивала и кричала:

— Женя! Мы приехали!

Им открыла незнакомая женщина, которая работала на огороде.

— Хозяева отдыхают, — сказала она.

— А где Женя? — спросила Ирина Андреевна.

— А он там, кур стережет. — И женщина показала рукой на какие-то маленькие строения.

— Женя! — позвал Антон Иванович, увидав фигурку мальчика.

Но Женя спрятался и не выходил. Подмигнув Наташе, Антон Иванович громко сказал:

— Ну, если Женя не хочет нас встречать, едем обратно!

Ультиматум подействовал. Показался Женя и медленно, опустив в землю глаза, пошел к ним навстречу.

Березовы были поражены видом мальчика. Женя был грязный, неряшливый, с неподстриженными волосами, в выцветших, рваных трусах. На руках сквозь слой грязи проступали красные цыпки.

— Как живешь, старина? — спросил Антон Иванович, положив руку на плечо Жени.

— Хорошо, — ответил Женя, не поднимая глаз.

Наташа прижалась к матери и с удивлением смотрела на своего друга. Чтобы как-то прервать тягостный разговор, Ирина Андреевна сказала:

— Какой у вас хороший огород!.. А вот и зеленый горошек! Женя, угости Наташу.

Женя покосился на дачу. Там с террасы спускалась Динара Васильевна. Еще издали она крикнула:

— Прошу проходить сюда! Вы извините, мы никого не ждали.

Увидав рядом с Березовыми Женю, она, собрав губы в гармошку, умиленно проговорила:

— Боже мой, Женя! Ну какой ты чумазый! Переоденься сейчас же! Что могут подумать люди? И дяде скажи, чтобы оделся.

Обращаясь снова к Березовым, она сказала:

— Я очень рада, что вы приехали. Федору гораздо лучше стало, но все-таки приятно, когда навещают. Пока они там одеваются, я покажу вам свой огород.

На грядках лежали необыкновенно крупные продолговатые огурцы и красные помидоры.

— Как вам удастся так рано вырастить овощи? — спросила Ирина Андреевна.

— А вы посмотрите на арбузы! Видите, какие уже крупные? Приезжайте в августе, я вас угощу и дынями и арбузами. Я люблю огород и все делаю сама.

Покосившись на женщину, которая работала на грядках, она добавила:

— Разве можно кому доверять! Чуть отойдешь, все не так. Экскурсия по огороду затягивалась, а из дачи не выходили ни Федор Петрович, ни Женя.

Наташа потянула отца за руку и сказала:

— Поедем домой!

— Скоро поедем, — согласно кивнув головой, сказал ей Антон Иванович.

Динара Васильевна услышала это и запротестовала:

— Что вы, что вы! Разве Федор вас отпустит! Вы посидите на скамеечке, я сейчас пойду. Что-то он задержался.

Через минуту вышел Федор Петрович и после первых приветствий заговорил с Березовым. Ванин стал чувствовать себя хорошо, но врачи дали ему понять, что, возможно, запретят на некоторое время полеты. Это очень тревожило его. Он похвалил последнюю машину, потом начался разговор о ее дефектах. Ирина Андреевна и прислонившаяся к ней Наташа сидели и скучали.

Наконец появился умытый и причесанный Женя. На нем были новые сандалии, новые, не стиранные еще короткие штанишки и такая же новая майка. Все новое, непривычное, видимо, стесняло Женю. Он шел медленно и неуверенно.

Появившись следом, Динара Васильевна наигранно ласково сказала:

— Женя! Пойди с Наташей в малинник. Угости девочку. Только ветки не ломайте.

Женя стоял опустив голову. Наташа тоже продолжала сидеть, не зная, как ей быть.

Ирина Андреевна выручила:

— И я пойду. Веди нас, Женя.

Она увидела заплаканные Женины глаза и поняла, что переодевание не прошло просто.

В малиннике, где на согнувшихся ветвях висели крупные, сочные ягоды, Женя начал быстро рвать и есть ягоду. И по тому, как он с опасением смотрел на дачу, боясь, что за ним наблюдают или вдруг появится тетя, было ясно, что и ягода, которая была здесь в таком изобилии, и горошек — все запретно для Жени. «Из-за жадности или ненависти к мальчику?» — думала Ирина Андреевна.

Пока Ванин и Березов разговаривали, а Ирина Андреевна с ребятами угощались малиной, сама Динара Васильевна с невероятной быстротой накрыла стол. И, как всегда, выставила угощение такое, что невозможно было не соблазниться. Настроение Антона Ивановича стало превосходным потому, что Ванин похвалил новую машину, в которую Березов вложил много сил. Он усадил рядом с собой детей — по одну сторону Женю, по другую Наташу, — целовал их поминутно и накладывал в их тарелки угощение: ветчину, икорку, грибки, свежие огурчики.

Женя сиял от счастья. Временами он вскидывал глаза на тетю. Как она? Но Динара Васильевна как будто и не замечала его.

Давно уже Женю не сажали за общий стол, да еще при гостях, и он боялся сделать какую-нибудь оплошность. Но время шло, и Женя, успокоившись, повеселел, стал громко смеяться, когда дядя Антон пожелал рассказать, как один заяк выступал у них на собрании.

В разгар такого веселья он вдруг услышал:

— Женя! Это не комильфо! Иди погуляй!

Что, что он сделал? Он же не виноват, что дядя Антон так смешно представляет. Сейчас она его выгоняет из-за стола, позорит перед Наташей, перед всеми! Нет, он не уйдет!

— Женя! Что я сказала!

Женя встал и, сутулясь, вышел из комнаты. И все видели, что он заплакал.

— В чем дело? — спросил огорошенный Антон Иванович. — В чем он провинился?

И тут случилось то, чего никто не ожидал. Наташа бросила вилку на пол и крикнула:

— Хочу домой! Она злая, Женю мучает! Это потому, что он не сын ей, а пленник! Папка, поедem домой! — и горько зарыдала.

Березов встал из-за стола. На лице у него проступила бледность. Зло и резко он бросил:

— Спасибо за угощение!

Секунду спустя он добавил:

— Отдали бы вы мальчика в Суворовское. Могу помочь в устройстве. У него все основания быть туда принятым.

Ни Федор Петрович, ни Динара Васильевна не вышли провожать Березовых. Не показался им и Женя.

В машине, обнимая притихшую дочку, Антон Иванович говорил:

— Молодец! Нельзя угощаться там, где унижают человеческое достоинство. Дала нам хороший урок храбрости и искренности!

— Хочу домой! Она злая, Женю мучает!..

Потом улыбнулся и добавил:

— И насчет пленника правильно! Не племянник, а пленник он ее!

На второй день Федор Петрович приехал к Березову.

— Женя у вас? — скрывая тревогу, спросил он Антона Ивановича.

— Что ты! Почему он должен быть у нас? — удивился Антон Иванович.

— Сбежал куда-то мальчишка, — опускаясь на стул, сказал Ванин. — Ты, Антон, наверное, меня осуждаешь? Может, я действительно виноват. Но ты же знаешь мою жену, ее трудно переспорить. Сколько я вытерпел скандалов! А что ей докажешь? Говорю: «Зачем держишь парнишку в пастухах около кур?» — «К труду приучаю», — отвечает. «Почему не выпускаешь гулять к товарищам?» — «Избалуется», — говорит. «Почему он всегда в рваном ходит и грязный?» — «На нем все горит, и он неряха! Пусть приучается ценить вещи» Ну и Женя виноват. Понимаешь, воровать стал: то в кастрюлю залезет, то в банку с вареньем. Мелочи, конечно, а все-таки нехорошо! Тетку он ненавидит. Подчиняется только потому, что боится ее. — Федор Петрович стиснул голову руками: — Измучился я с ними! Хоть из дому беги. А куда теперь бежать? Заново жизнь устраивать? Не выйдет это у меня.

Ванин встал:

— Я поеду. Придется заявлять в милицию. Надо разыскать Женю. А там что-нибудь придумаю. Только бы не натворил глупостей каких сгоряча...

Когда дома за обедом Антон Иванович рассказал о разговоре с Федором Петровичем и добавил, что ему жалко Ванина, попал, дескать, человек в переплет, Екатерина Павловна фыркнула сердито:

— Нашел кого жалеть! Слякоть он, клецка в бульоне! Да и кожа стала толстой. Недаром говорят: «Молод и сам знал голод, а отъелся — позабыл». Ты его жалеешь, а я вас. Отомстит вам эта Динара-Авдотья за то, что вы вмешиваетесь в их дела. Собака палку помнит!

— А что она нам может сделать? — поднимая брови, сказал Антон Иванович и осекся.

Он вспомнил, что в минуту откровенности рассказал Ваню о Наташе. Но тут же успокоил себя: Федор человек честный и не сделает подлости. Надо еще раз предупредить его.

После болезни Ванина не допустили к легкой работе. Он получил назначение на работу в аппарат министерства. С тех пор Березов редко виделся с Ваниным. Разговор по поводу Жени, видимо, оставил у обоих тяжелый осадок, и, встречаясь в министерстве или на конференциях, Березов и Ванин говорили только о делах. Лишь однажды Ванин, как бы между прочим, сказал, что Женю приняли в Суворовское училище.

Ирина Андреевна встречалась изредка с Динарой Васильевной на улице. Они молча кивали друг другу головой, но Ирина Андреевна успевала поймать на себе недружелюбный взгляд.

Женя уехал в Суворовское училище, не попрощавшись с Березовыми. Но Наташу в ту пору захлестнули важные события.

Глава VIII

Первое сентября! Впервые в школу, впервые за парту, первые буквы, первые учебники! Новая, интересная большая жизнь!

Задолго до этого торжественного дня готовилась форма с парадным и каждодневным фартуками. Горячо обсуждались цвет и ширина бантов для Наташиных кос. Антон Иванович вместе с Наташей пересмотрел десятки портфелей, прежде чем остановиться на одном и купить его. А туфли! А тетради, пенал, ручка! Сколько хлопот!..

И вот он наступил, этот долгожданный день. Березовы проснулись очень рано. Ирина Андреевна одевала Наташу, сама торопилась одеться, чтобы не опоздать в школу. Антон

Иванович забрался в ванную заряжать фотоаппарат. Екатерина Павловна сердилась, что все задерживаются с завтраком.

В этот день было много сделано снимков. Но разве фотографии могут передать всю праздничную прелесть этого дня!

Утро выдалось яркое, солнечное. Солнце щедро рассыпало свои блики. Они светятся на новых, впервые надетых туфельках, на новых, скрипящих портфелях; они сверкают в лепестках осенних цветов, собранных в большие букеты, которые несли школьники. Но самый яркий блеск излучали веселые, счастливые глаза школьников. Наташа была так хороша в это утро, что Антон Иванович не мог оторвать от нее глаз!

Впервые в этот год Березов увидел праздничное утро первого сентября. Как помолодела улица! Юность торжественно прошествовала на годичную вахту!

Старшие школьники шли парами и группами. Они весело переговаривались, заразительно смеялись. Малыши робели, крепко держались за руки старших. Скоро придется отпустить эту руку и взять другую, маленькую руку своего товарища, своей подружки. Это заранее известно и все-таки страшно!

Вот и школа — новое четырехэтажное здание с большими чистыми окнами. На пришкольном участке цветут астры и

флоксы. Но на физкультурной площадке, где собрались школьники, цветов больше и краски ярче.

По улицам шли мальчики и девочки вместе, но около школы общий поток разбился на два русла — мальчики пошли дальше, к другой школе, девочки оставались здесь. Как неразумно, что разъединили с детства людей, которым всю жизнь предстояло быть рядом — на одной улице, в одном доме, в одной квартире и потом оказаться вместе — на всю жизнь!..

Звенят детские голоса, гудят родительские группы, призывают к порядку воспитатели. Гул и шум затихает, когда на трибуну поднимается директор школы. Он поздравляет школьников с началом учебного года, приветствует новичков-первоклассниц, будущих героев труда — рабочих, инженеров и врачей, педагогов. Просит их первыми войти в школу.

С букетами цветов и с портфелями нестройно двинулись будущие героини. По сторонам живой стеной стояли родители. Кто-то в последний момент решил не расставаться с мамой. Кто-то уронил носовой платок. Но все на ходу исправлялось. Вот уже двинулись вторые и третьи классы. Потом зашагали старшие, и физкультурная площадка опустела...

Через три часа Наташа, взволнованная и радостная, рассказывала бабушке, какие хорошие девочки у нее в классе, какая хорошая и добрая учительница и как легко учиться. Ее, Наташу, уже спрашивали о том, умеет ли она читать и до скольких считает.

— А я сразу сказала: «Раз, два, три, четыре, шесть, семь, восемь». А учительница сказала: «Молодец, садись!»

С этого года Наташа стала критически относиться к правописанию бабушки. Екатерина Павловна не признавала ни знаков препинания, ни заглавных букв и, конечно, никаких правил орфографии. Более того: она часто писала слова так, что иная строка сливалась целиком — в одно слово. Напишет бабушка письмо к сыну в Бердянск или дочери в Алма-Ату, Наташа посмотрит и удивляется:

— Бабуся! Ну так же нельзя! Они ничего не поймут и не прочитают.

С того же года, если папа уезжал в командировку или в санаторий, Наташа сама писала ему письма и вкладывала в мамин конверт. Из этих писем Антон Иванович получал полезные сведения о том, что «У Иры шар», «У кошки лапы», «У мышки корка», и решительные утверждения: «Мы за мир!» «Нам не нужна война!»

Последнее время, после разговора с Наташей, Ирина Андреевна не раз брала в руки альбом. Перелистывая страницы, она искала ответа на мучившие ее вопросы. Когда и от кого Наташа могла узнать, что она не родная им дочь? Но, даже если узнала, почему не сказала об этом открыто? Почему отстранилась от матери, замкнулась? Разве мало ее, дочку, любили? Сколько нежности, заботы и душевных сил отдали они Наташе!

Вот фотография. Наташа сидит в постели, покрытая платочком, грустная, худенькая. Это после очередной болезни. Как много и трудно болела девочка! Ни одна детская болезнь ее не миновала, и почти каждая давала какое-нибудь осложнение.

Наташа заболела, к ее кровати придвигалось кресло, и начиналось круглосуточное дежурство Ирины Андреевны и Екатерины Павловны. О болезни Наташи извещался дядя Сережа — Сергей Алексеевич Колесов, профессор, хирург. После войны он переселился в Москву. Дядя Сережа сам выслушивал и выстукивал Наташу. И потом часто звонил маме — справлялся о ее здоровье. Хороший дядя Сережа!

Ежегодно пятнадцатого мая он сам приходит к Березовым и обязательно приносит подарок Наташе, всегда очень хороший и очень дорогой. А маме — корзину цветов. Чудак! Все делают подарки либо в праздники, либо в день рождения, а дядя Сережа почему-то в мае. Когда Наташа спросила его об этом, он ответил:

— Я тебя увидел первый раз в мае. Значит, для меня ты родилась в этот день.

Болела Наташа много, но росла она спокойной. Конечно, не все шло гладко. Наташа бывала резкой и дерзкой, частенько капризничала, особенно во время болезни. Она не любила лекарств, зубных врачей, рыбьего жира — да мало ли бывало такого, что сердило и волновало мать. Но что радовало Ирину Андреевну — это открытый характер Наташи.

Ирина Андреевна много лет работала в школе и не только преподавала историю, но почти каждый год вела какой-нибудь класс, была классным руководителем. Перед ее глазами прошли сотни детей с различными характерами. Один застенчив, другой развязен, один молчалив, другой слишком болтлив, тот внимательный, сосредоточенный, а этот рассеянный, мечтательный. Одному достаточно сделать маленькое замечание — и он зальется краской смущения, другого выгони с урока в коридор — он чувствует себя героем. С детьми работать трудно, к каждому нужен особый подход.

Но самыми трудными всегда бывали дети замкнутые, скрытные. Понять таких детей нелегко, еще труднее найти ключ к их сердцам. И бывает, что взрослые слишком поздно узнают о бедах, которые случаются с такими детьми.

Ирина Андреевна хорошо понимала, какое счастье иметь дочь с открытым характером, с открытой душой, правдивую, доверчивую и откровенную. Если Наташа чем-то недовольна — скажет сразу. Не выполнит поручение матери — признается, объяснит, почему. Не сделает уроков, не надеется, что «авось пронесет», а скажет учителю в начале занятий. Это облегчало жизнь и девочке и тем, кто с ней жил и дружил. Больше того: эта черта характера делала обаятельной и внешность Наташи. В самом деле, почему так красивы ее глаза, что все на них обращают внимание? Ничего выдающегося в цвете карих глаз или в их форме не было. Прелесть этих глаз была в том, что в них отражалось и светилось то хорошее, доброе, искреннее и ласковое, что жило в душе девочки. Казалось, что она вся светится.

Много радости, счастья и веселья внесла Наташа в семью Березовых. До сих пор нельзя без улыбки смотреть на мно-

гие фотографии. Вот Наташа и Маринка стоят обвешанные кастрюлями, сковородками. В руках то ли палочки, то ли ложки. Обе весело смеются. Можно подумать, что девочки собрались на маскарад. На самом деле они собирали по квартирам металлический лом.

Маринка — первая общественница и в школе и дома. Ни одно дело не обходится без нее. Она помогает сажать цветы в маленьком сквере двора и ухаживать за ними; читает лифтерам газеты и детские книги; случись собрание жильцов — Маринка звонит по квартирам, всех созывает. А уж если объявлен сбор газет или металлолома, раньше всех бежит квартиры и выпросит даже новую кастрюлю. Маринку знают все жильцы громадного, многоэтажного дома. Частичка славы перепадает и Наташе. Ее иногда спрашивают:

— Это ты была у нас с Маринкой?

Однажды какой-то военный сказал:

— А где твоя подружка? Быть ей делегаткой Всемирного конгресса женщин!

Наташа вместе с Маринкой бегают по всем делам, но переговоры ведет Маринка, вся инициатива за ней. Уж если Наташа одна или с другой девочкой — тогда ничего не поделаешь. Приходится и самой быть активной. И оказывается, что Наташа Березова умеет выполнять порученное дело.

...Наташа в белой блузке, с пионерским галстуком стоит около стенной газеты с крупным заголовком: «Дружные ребята». Это Наташа в пионерском лагере, и стенная газета имеет к ней прямое отношение — она является членом редколлегии этой газеты.

«Наташа — член редколлегии! — восторгался Антон Иванович. — Подумать только! И ведь все всерьез!»

Член редколлегии всеми уважаемой газеты «Дружные ребята» присылала в ту пору такие письма:

Дорогие папа, мама и бабушка! У нас был костер. На костре мы пели, танцевали, говорили стихи. У нас была большая гроза. У нас был концерт. Мы играли в военную игру. Когда читали, кто хорошо себя ведет, меня прочитали. Я вешу 31 800. Привезите конфет. Наш отряд выпустил новую газету. Я там писала про то, какие у мальчиков грязные руки и ноги. В футбол мы проиграли 3 : 2. Привезите конфет побольше. К нам приезжали китайцы. Мы им показывали торжественную линейку. Купите конфеты раковые шейки и снежинки. А бабушка пусть напечет мне коржиков. До свиданья, Наташа.

Наташа — с гитарой?! Да, да. Наташа играет, вернее, аккомпанирует себе на гитаре. В раннем детстве казалось, что у Наташи нет ни голоса, ни слуха. Но потом Ирина Андреевна заметила, что Наташа моментально запоминает услышанные по радио песни и напевает. Голосок небольшой, но приятный, грудной.

Березовым хотелось, чтобы Наташа играла на пианино. Некоторое время приходила домой учительница музыки. Но никаких успехов в музыке Наташа не делала и занималась неохотно. И вдруг — было ей тогда около четырнадцати лет — попросила купить ей гитару. Оказалось, что она немножко уже играет. От Маринки научилась. И поет под гитару. Наташа поет множество песен: русские народные, испанские, ку-

бинские — все, что слышит по радио или от подружек. И специально для матери и бабушки поет старинные романсы:

Я встретил вас — и все было
В отжившем сердце оживло.
Я вспомнил время золотое —
И сердцу стало так тепло!

У песни свой смысл, свое настроение, но Ирина Андреевна, слушая ее, почему-то вспоминает Ленинград после блокады, худенькую девочку в яслях, ее неловкую, шаркающую походку, когда она шла по платформе ленинградского вокзала. И встречу Наташи с Антоном Ивановичем вот здесь, в этой комнате, где тогда стояла детская кроватка.

И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!

А бабушка почему-то плачет, когда Наташа поет эту песню.

Почему льются слезы? Старая, слабая стала. Ну что за жизнь! Для работы не годна. Сходить бы в гости к знакомым, но на это нет ни сил, ни желания. Лучше полежать. Жить стало трудно и скучно. Вот только сны веселые. Во сне она чаще всего молодая — бегаёт, пляшет, песни поет. Какие-то парни обнимают ее, целуют. Сны снятся молодые, хорошие сны. А проснется — то в груди болит, то ноги ломит, то головы от подушки не поднять. Радость только в ней, в Наташеньке. Ведь сколько внуков и внучек у Екатерины Павловны, а больше всего она любит Наташу. Ласточка ты моя певучая, сиротинушка пригретая! Скрасила ты мою старость!

...А вот Наташа снова в парадной школьной форме. Но это уже взрослая девочка, ей скоро пятнадцать лет. В этом году Наташа будет учиться в восьмом классе. И что это за год!

...Еще весной все знали, что с осени мальчики и девочки будут учиться вместе. И еще тогда девочки, взвизгивая, говорили:

— Ни за что на свете не сяду на одну парту с мальчишкой! Они все хулиганы!

Мальчики, лихо встряхивая губами, замечали:

— Подумаешь, совместное обучение! Мурá! Девчонки ябеды!

Но и тот, кто говорил, и тот, кто слушал, знали, что слова эти неискренние и что все с нетерпением ждут первое сентября.

Когда первого сентября на той же физкультурной площадке собрались вместе девочки и мальчики, педагоги поняли, что не сразу наладится школьная жизнь.

В младших классах все просто разрешается. Вон они уже вместе и не находят в этом ничего удивительного. У старшеклассников иначе. Девочки и мальчики стоят отдельными группами. Девочки, разговаривая между собой, заливаются громким, неестественным смехом, кидая, как бы невзначай, быстрые, мимолетные взгляды в сторону мальчиков. Те ведут между собой «серьезный» разговор, но, как видно, совсем не слушают друг друга. Иные от великого смущения боятся поднять голову, другие, зная, что на них смотрят, небрежно сплевывают, стараясь разговаривать басовитыми голосами.

Так неловко начинался первый день совместного обучения. Но ведь это только день, другой, может быть и несколько дней, но уже через месяц школьники и забыли, что когда-то учились раздельно. Потекла слаженная, заполненная учебной и дружбой ребячья жизнь.

Ирина Андреевна, которая преподавала в школе мальчиков, была очень довольна, что слили школы. Стало значительно легче работать. Мальчики ведут себя более дисциплинированно, менее грубы. Наташа тоже довольна. Мальчики

оказались хорошими товарищами. Напрасно говорили, что они хулиганы.

С этого года в семейном альбоме Березовых появились новые снимки: Наташа со своими школьными друзьями — девочками и мальчиками. Как видно, Наташу уважают товарищи — ее выбрали комсоргом группы.

Страница за страницей альбома — все старше, взрослее становится Наташа. Вот уже конец альбома, последняя фотография. Тут мы видим Наташу, снятую в рост около белого ствола березы. Это уже не девочка и не подросток, а веселая, задорная девушка. И, если вернуться к первой странице альбома и посмотреть на девочку с большими грустными глазами, трудно поверить, что такой была когда-то Наташа.

Но, если возвращаться к первым страницам да сравнивать, грустно становится. Как изменилась Ирина Андреевна! Поседела, пышной короны на голове уже нет. Поредевшие волосы лежат гладко. Меньше всех изменился Антон Иванович. Но и он уже не тот. Смотрите, сколько морщин на лице!

Наташа, единственная дочка, юная, неопытная, стояла на пороге жизни. А к родителям придвигалась старость, беспокоили болезни и недуги. Теперь, как никогда, им нужен покой, чтобы не просто жить, а продолжать трудиться. И вдруг над семьей нависла гроза!

Глава IX

У Березовых было много знакомых и друзей. Антона Ивановича, как конструктора, знали сотни людей. Ирина Андреевна много лет работала в школе своего района и тоже имела довольно широкий круг знакомых. Березовы часто бывали с Наташей в театре, ходили в гости, принимали у себя гостей, и все, кто видел их с дочкой, не упускали случая заметить, что дочка очень похожа на мать. Меньше, но и на отца похожа. И это было правдой.

Наташа имела с Березовыми сходство типовое. Она была шатенкой, с карими глазами, как Ирина Андреевна и Антон

Иванович. Но сходство людей определяется не только внешними чертами. Глубокое, более разительное сходство придают жесты и манеры людей. Это сходство вырабатывается в результате долгой совместной жизни, общностью мыслей, взглядов, привычек и вкусов. Если есть еще умение и желание подражать тем, кто приятен, кого любишь, то с годами чужие люди приобретают поразительное сходство. Довольно часто к старости муж и жена становятся похожими друг на друга. И совсем не удивительно, что маленькая девочка, которая всю свою сознательную жизнь старалась подражать своим родителям, переняла их манеры, впитала их вкусы — стала на них похожей.

Наташа смеялась и шурилась точь-в-точь как отец. Ее манера говорить негромко, мягко, открыто и внимательно смотреть в глаза собеседнику, ее неторопливая походка, спорые движения были повторением в своеобразной форме манер и движений Ирины Андреевны.

Конечно, у Наташи много было индивидуальных черт, переданных ей по наследству, свойственных ей самой. Но и родные дети не всегда похожи на родителей. Как говорила Екатерина Павловна, и на дереве лист на лист не приходится.

Когда Наташа была ребенком, Березовы очень боялись, что кто-то скажет ей, что она не родная дочь. Дом, где они жили, принадлежал министерству и был заселен работниками авиационной промышленности. Здесь все знали друг друга, истина могла как-то просочиться. И был один случай, который напугал Березовых. Наташа тогда училась в первом классе. Бабушка сильно болела, и в доме появилась домработница Зинаида — широколицая, низколобая, с бесцветными глазами. Зинаида всегда была сердита.

— Уж молчите лучше! — говорила она Екатерине Павловне, если та пыталась что-то подсказать. — С вами, старыми, хуже, чем с малыши!

Наташа просто боялась Зинаиды. Обязательно заругается — то ботинки не так поставила, то слишком рано есть захотела, то очень поздно.

— Мамуся, я сама буду все делать, — сказала как-то Наташа Ирине Андреевне. — Только не надо нам Зинаиды.

— Вот бабушка поправится, она уйдет от нас!

Бабушка успокаивала Наташу:

— А ты плюнь на все и не обращай внимания. Есть у тебя две ноздерки, ты и сопки потихоньку. А она пусть ворчит.

Но и молчание раздражало Зинаиду.

— Ты не больно-то задавайся! — сказала она однажды Наташе. — Не велика барыня! Ты тут такая же хозяйка, как и я. Найденная ты!

Наташа тут же к бабушке:

— Почему я найденная? Где меня нашли?

Бабушка сразу поднялась с постели:

— Это кто тебе сказал?

— Зинаида.

— А!.. Ну, нашли тебя там, где всех находят. Поехала мама в дом, где родятся дети, и привезла тебя оттуда.

Зинаиду в тот же день выпроводили, но выспрашивать ее о том, почему она так сказала Наташе, не стали. Боялись ворошить это дело. А может, Зинаида случайно так сказала?

Теперь, вспоминая эту историю, Ирина Андреевна жалеет, что они тогда быстро успокоились. Может, следовало тогда же поменять квартиру, уехать из этого дома...

Кроме Зинаиды, никто и никогда не намекал им на историю Наташи. Шли годы, и, казалось, все было забыто. Из ребенка Наташа превратилась в стройную, милую девушку с длинными косами. Березовы и сами-то очень редко вспоминали, как необычно родилась у них Наташа. А вспомнив, удивлялись: уже не укладывалась в голове мысль, что Наташа могла быть не их дочерью. И вдруг, спустя четырнадцать лет, кто-то сказал Наташе, что она не родная дочь. Безусловно кто-то сказал. Иначе она не могла бы бросить эту фразу: «Ты сама взяла на себя такую тяжесть, как я. Я тебя об этом не просила».

Ирина Андреевна подумала, что такую подлость могла сделать Динара Васильевна. С того случая на даче у Ваниных

Ирина Андреевна никогда не разговаривала с Динарой Васильевной. Женя, приезжая на каникулы, всегда заходил к Березовым. В этом году он начал учиться в академии Жуковского и довольно часто встречался с Наташей. Возможно, Ваниной это не нравится. Но откуда она-то сама узнала историю, Наташи?

Не проговорилась ли нечаянно бабушка? Екатерина Павловна гуляла во дворе с маленькой Наташей и всегда разговаривала с разными бабушками и домработницами. Но, когда Ирина Андреевна, передав матери встревоживший ее разговор с Наташей, спросила ее, не виновата ли она сама в разглашении семейной тайны, Екатерина Павловна страшно рассердилась:

— Придумала! Дуру болтливую нашла! Я не глупей тебя и из ума еще не выжила!

Она нахмурилась и замолчала. Потом, взглянув на измученное лицо дочери, сказала:

— Ты не убивайся раньше времени. Народ недаром сложил пословицу: «Не та мать, что родила, а та, что воспитала». Что ж она, Наташенька-то, глупая, что ли? Думаешь, не понимает? Мы в ней души не чаем, а она нас за чужих будет считать? И не думай об этом.

— Мама! Ты ничего не говори Антону. Не надо его волновать.

— Как знаешь. Но я тебе советую: поговори ты и с Наташей и с Антоном. Не надо больше разводить секретов.

Поговорить с Наташей? Посадить ее рядышком и все рассказать? Почему-то она, мать, не может на это решиться. Она не знает, как отнесется к этому Наташа.

Ирина Андреевна всегда интересовалась рассказами о приемных детях. Подобных рассказов, и устных и печатных, немало. По-разному бывает у людей. Бывает, что усыновленные дети, узнав истину, тяжело переживают и даже отстраняются от родителей, воспитавших их. Но чаще такие открытия проходят без душевных драм и переживаний. Приемные дети начинают еще больше любить и ценить своих родителей. Все

зависит, по-видимому, от условий и характеров, от окружающих, которые влияют на приемных детей. Биология никакой роли тут не играет. Смешно верить, что у детей существует какая-то биологическая тяга к матери или к отцу. Тоска по родной матери и ненависть к приемным родителям может возникнуть только в том случае, если те, кто усыновил, не стали близкими и родными. Но у Наташи-то не может возникнуть такое чувство. Больше любить дочь, чем любили Березовы, нельзя.

Почему-то существует предвзятость в отношении приемных родителей. Год назад в Москву приезжал брат Ирины Андреевны с женой Клавдией.

— Ну, расскажи, как сложились твои отношения с Наташей? — спросила Клавдия Ирину Андреевну.

— Я не понимаю твоего вопроса! Какие у нас могут быть отношения? Обычные отношения матери и дочери.

— Но ведь она не родная тебе дочь!

— Почему не родная? А кто же мне родней? А разве у нее есть кто-нибудь роднее нас?

Ирина Андреевна даже рассердилась тогда на Клавдию. Боже мой! Она и не вспоминает, что Наташа ее приемная дочь, а вот поди же, оказывается, люди, даже доброжелательно к ней настроенные, ищут в ее отношениях с дочерью какие-то особенности или даже ненормальности. Что же говорить тогда о Динаре Васильевне? Такая может душу отравить. Если она что-то сказала Наташе, можно себе представить состояние девочки! Ведь нельзя забывать хрупкий, ломающийся, трудный возраст дочери. Опыта нет, ум не созрел, чувства обострены. Узнала, что она не родная дочь, и все стало казаться обидным. Мыть посуду? Я же домработница! Делать уроки? Не дают отдохнуть! Не так посмотрели, не таким тоном сказали...

И вот результат. Они, мать и дочь, всю жизнь горячо любящие друг друга, теперь боятся откровенного разговора, избегают встреч. Да, вот теперь между ними действительно ненормальные отношения.

...Необыкновенно хорошо и радостно проходили Наташины зимние каникулы. В красном лыжном костюме, с белой пуховой шапочкой и таким же шарфиком, она, тонкая, гибкая, скользила на коньках в Парке культуры и отдыха. Хотя Наташа уже в десятом классе, не маленькая, но дома стоит елка. Такие же елки почти у всех одноклассников, и почти каждый день надо быть у кого-нибудь в гостях. Пятнадцать совершенно свободных дней, пятнадцать раз подряд можно спать утром столько, сколько захочется, пятнадцать интересных, беззаботных вечеров в театрах с подругами и друзьями!

В эти дни веселых зимних каникул она стала часто встречаться с Женей Ваниным. Жил он в общежитии академии, тоже на Ленинградском шоссе, недалеко от дома Березовых. По воскресеньям Женя звонил Наташе и приглашал погулять. Он обязательно вел ее в кафе «Мороженое» на улице Горького. Женя получал стипендию и угощал Наташу на свои, законные деньги. Потом они шли в кино, где легче было достать билеты, если Женя не покупал заранее.

Одноклассницы не раз видели, как провожал Наташу домой лейтенант и как долго разговаривал с ней около парадного. Маринка сказала Наташе, что все ей завидуют. Женя высокий, красивый и, как видно, очень вежливый, не то что их ребята десятиклассники.

Женя красивый? Наташа об этом как-то не думала. Она давно его знает, привыкла. Правда, в последнее время их отношения стали иными. Началось это с одного вечера. Они стояли около парадного. Наташа подпрыгивала на месте — у нее замерзли ноги, а Женя все не хотел расставаться.

Он взял обе ее руки и стал тереть их, чтобы согреть. Потом поднес их к губам и стал дышать на них. И вдруг украдкой, как бы невзначай, поцеловал руку. У Наташи заколотилось сердце. Хорошо, что было темно и Женя не увидел, как она покраснела.

С того вечера она стала замечать, что Женя не просто смотрит на нее как товарищ, друг, — он любит ее. Однажды он сказал:

— Я в жизни не видал таких глаз, как у тебя. Ведь они разговаривают! Ты вот молчи, а я буду смотреть на тебя и говорить, о чем ты думаешь.

Наташа посмотрела на Женю и, смеясь, спросила:

— Ну, о чем я сейчас подумала?

— Ты подумала о том, что я люблю тебя. И ты не ошиблась.

— Да ну тебя!

Наташа оттолкнула его и побежала.

А ведь правда она об этом подумала. Как Женя это угадал? Противные глаза, все выдают!..

Наташе очень радостно, что Женя ее любит. Ну, а она любит Женю? Этого Наташа не понимает сама. В девятом классе ей нравился Володя Марин. Физкультурник, отличник, веселый, хорошо танцует. Он несколько раз провожал ее домой и два раза приглашал в кино.

Девочки спрашивали:

— Вы влюблены?

Ей казалось, что да, влюблены. Но потом вышло как-то само собой, что они перестали обращать внимание друг на друга.

Ну, а Женя? Как хорошо он сказал ей про глаза! Наташа хочет представить лицо Жени и не может. Всех может вспомнить, а Женю нет. Почему так?

Теперь, когда Наташа вдвоем с Женей, она ждет. Женя должен сказать ей что-то приятное, радостное. Она и боится этого и ждет.

В эти дни она непрерывно напевает одну и ту же песенку:

Я люблю тебя, жизнь,
И, наверное, это взаимно!

В эти-то дни с ней однажды на улице столкнулась Динара Васильевна.

— Здравствуй, Наташа! — сказала она.

— Здравствуйте, — ответила Наташа и хотела пройти мимо.

Динара Васильевна взяла ее за руку:

— Дай я посмотрю на тебя, какая ты выросла. Ты меня узнаешь? Я Женина тетя.

— Узнаю, — сказала Наташа и посмотрела на Ванину спокойно, немножко удивленно. Чего от нее хотят?

— Я слышала, что Женя с тобой часто встречается. Это правда?

— Правда, — не опуская глаз, ответила Наташа.

— А нас он совсем забыл. Ты скажи ему, нехорошо это. Конечно, я не родная мать ему, но я его воспитала. Нельзя быть таким неблагодарным. Ты же вот любишь Ирину Андреевну и Антона Ивановича, а ведь они тоже не родные тебе.

При этих словах в глазах Наташи появился испуг, ужас, вопрос...

— Разве ты не знаешь? Странно! Твой отец сам об этом Федору Петровичу сказал.

Наташа оттолкнула Динару Васильевну и побежала прочь. Где те слова, которыми можно передать душевное смятение девушки?

Кто же она? Откуда? Почему она стала дочерью Березовых? Да не может этого быть! Женина тетка всегда была злой, скверной. Это она придумала, чтобы сделать неприятность ей, маме, папе, Жене. Надо сейчас пойти к маме и рассказать об этом.

А если это правда? Если всю жизнь ее обманывали?.. Учат честности, а сами врут! «Наташенька, доченька!..» Оказывается, я не дочь им! Все ложь и обман...

И вдруг Наташа вспомнила... Месяц назад она получила двойку по геометрии. Не выполнила домашнего задания, а ее спросили. Пока шел урок, Наташа крепилась, но в перемену, когда ребята стали ей сочувствовать, она расплакалась. И тогда Алла, девочка, которая жила в одном парадном с Наташей, сказала ей:

— Ну чего ты реवेशь? Подумаешь, двойку получила! Меня дома никогда за двойки не ругают. Конечно, у тебя другое дело... Но ты все равно плюнь!

Почему у нее — другое дело? Наташа не стала тогда ниче-

го спрашивать у Аллы. Но теперь она вспомнила и этот разговор, вспомнила и еще один.

Они выходили из школы вместе с Аллой. Оглядывая Наташу с головы до ног, Алла сказала:

— У тебя шубка старомодная, слишком длинная. За границей таких давно не носят. И туфли... фи! Тупоносые, грубые. Вообще твои воспитатели плохо тебя одевают. А ведь зарабатывают хорошо.

Воспитатели? Это слово хлестнуло тогда Наташу. Но она ничего не сказала Алле, только сразу ушла от нее. Противная девчонка! Всегда придумает что-нибудь неприятное, старается уколоть. Но теперь Наташа понимает настоящий смысл этого слова. Значит, все вокруг знают, что она не родная дочь Березовым, и сочувствуют ей.

Конечно, она одета намного хуже Аллы. У той всегда модные вещи — нейлоновые блузки, туфли на модных каблучках, а какие шапочки! А ей, Наташе, твердят: надо одеваться красиво, но просто, чтобы не бросалось в глаза. Была бы она родная дочь!..

Ой! Что это она за глупости придумала! Да мама с папой для нее все на свете сделают! Действительно, на Аллу все оглядываются, когда она идет по улице. Даже неудобно.

Ну ладно, шут с ней, с Аллой! Что делать ей, Наташе? Теперь ясно, что она всем чужая.

Наташе стало жалко себя. Вот жила девочка, счастливая, веселая. Она гордилась своим отцом. Умный, добрый. Когда он болел, шофер рассказывал, что ему покоя все не давали, спрашивали о здоровье. Шофер сказал тогда: «Таких, как твой отец, не много на свете». А мама? Как ее любят ребята в школе! И бабушка... Оказывается, это все не ее, не Наташино. Она всем чужая. Нет, так жить она не хочет!

Наташа видит себя в гробу. Мертвая, холодная. Много-много цветов. Гроб стоит в крематории, скоро он опустится вниз. Мама упала, рыдает. Папочка стоит бледный-бледный. И Женя закрыл лицо платком. Как жалко всех! Бедные папка и мама! Наташа горько плачет, слезы текут по ее лицу.

Нет, она не будет умирать. Кончит десятилетку и уедет куда-нибудь работать. Будет жить в общежитии. Наташа представляет, как заскучают дома без нее. Начнут собирать посылки, положат туда ее любимые конфеты. Бабушка напечет коржиков. Наташа улыбается, представляя, как упаковывает ящик с посылкой Антон Иванович. Обязательно высунет не́много язык при этом. Он всегда так делает, когда работает по хозяйству. Смешной папка!

Ерунда! Все наврала эта Динара!

Разве она чужая для мамы, папы и бабушки? Да они заболели, умрут, если с ней что-нибудь случится! Не может она их бросить, не может начинать жизнь с подлости.

Бабушка уже старая. Мама часто болеет. Кто будет с ними, если Наташа уедет? Когда она сама болела, ведь мама с бабушкой не отходили от ее постели.

А почему это плохо, если отец и мать не родные? Ведь меня всегда любили и любят. Почему люди как-то плохо к этому относятся? Ерунда все это. Не надо ни о чем думать.

Но отравляла действала. Наташа об этом непрерывно вспоминала и однажды сказала матери эту фразу: «Ты сама на себя взвалила эту тяжесть».

Наташа сказала в надежде, что мать развеет все ее сомнения. Но Ирина Андреевна тогда промолчала, и Наташа увидела испуг в ее глазах. Значит, ей сказали правду...

Потом потянулись эти трудные дни. Они не смотрели друг другу в глаза. Наташа старалась меньше бывать дома, сидела часто у Маринки, готовила с ней вместе уроки. С Женей она тоже не хотела встречаться.

Глава X

После морозных дней неожиданно наступила оттепель. Еще вчера под ногами скрипел снег, а утром закапало с крыши, дворники легко откалывали ледок с тротуара и счищали уже грязное месиво.

Все вдруг стало выглядеть серо и буднично. На стенах домов пробились мокрые пятна. Деревья потемнели, снег стал грязным.

Ирина Андреевна шла из школы домой по безлюдному в этот час Ленинградскому бульвару. Слева и справа мчались в разные стороны машины, разбрасывая грязные брызги. Только на бульваре было чисто и спокойно.

Ирина Андреевна шла медленно. Ей хотелось отдохнуть после трудного рабочего дня, подышать свежим воздухом. На душе было тоскливо, муторно. Устала, измучилась. Работа в школе выматывает все силы. А сегодня — она не может этого забыть — произошла очень тяжелая история.

Несколько дней она требовала от Игоря Гусакова, чтобы в школу пришла его мать. Игорь скверно учится, плохо ведет себя. Он говорил ей, что мать больна, но Ирина Андреевна не поверила и настаивала на своем, потому что Игорь часто лгал. Сегодня Гусакова пришла в школу. Оказывается, она действительно больна, только недавно вышла из больницы после операции. Надо бы ей, Ирине Андреевне, прийти домой к этой женщине, а она заставила больную ходить!..

Какое счастье, что теперь организованы интернаты и можно таких, как Игорь, устроить туда! Отца у Игоря нет, а мать тяжело больна. Завтра же Ирина Андреевна займется устройством Игоря.

Она хочет отвлечь себя, вспомнить что-нибудь хорошее, чтоб развеять давящую тоску. Но ее мысль тут же, как только она перестает думать о Гусаковой, возвращается к Наташе.

Все это время — а прошел уже месяц после ссоры с Наташей — она непрерывно думает об одном и том же. Как все сложно в жизни! Почему она так волнуется, переживает? В чем она виновата? Чего боится? Она душу свою вложила в воспитание Наташи, а теперь боится, что Наташа разлюбит ее. Какая несправедливость!

Горькие мысли не покидают ее. Она ведет урок в классе и не забывает о своей боли. Даже во сне, подсознательно, ее это мучает.

В последнее время сильно болит сердце. Вот и сейчас. Опять появилась эта боль в левой лопатке. Как будто сидит там большой гвоздь и прокалывает насквозь от лопатки к сердцу.

Ирина Андреевна продолжала идти. Но вдруг загло в груди, и острая, резкая боль в сердце заставила ее остановиться. Она сделала два шага в сторону и прислонилась к дереву.

Боль не утихала. Наоборот, она разлилась по всей левой стороне. Больные нити протянулись к шее, к уху, к щеке. Острая боль отдавала под мышку и даже в левую ногу.

Ирине Андреевне вдруг стало страшно. Она не думала о

смерти, нет. Ее охватил непонятный, независимый от сознания и воли страх.

Неподалеку была скамейка. Ирина Андреевна тихонько, шаг за шагом, дошла до нее и села. «Хорошо, — подумала она. — Теперь отдохну и потом пойду домой. Как жалко, что нет с собой ни валидола, ни нитроглицерина!»

Сердце беспокоит Ирину Андреевну уже давно. Она знает, что у нее стенокардия. Врачи предупреждали, что надо носить в сумочке лекарство. Но где там! Когда начинает болеть сердце, тут только она и вспоминает о лекарствах.

Откинувшись на спинку скамейки, Ирина Андреевна сидела закрыв глаза. Боль в сердце приутихла, стала тупее. Но заболела голова. Будто стянули ее тугим металлическим обручем.

«Вероятно, перемена погоды так повлияла на меня», — подумала Ирина Андреевна.

Как бы в подтверждение этой мысли, с неба начали падать мягкие, пухлые снежинки. Сначала редкие, потом все чаще, и, наконец, повалили сплошные белые хлопья.

Потемневший за день снег снова забелел. Липкие, пухлые снежинки одели голые от листьев ветки и широкие лапы елей. Снежинки оседали даже на шершавой коре стволов.

Ирина Андреевна боялась не только подняться, но даже пошевелиться. Инстинкт подсказывал, что надо какое-то время пробыть в неподвижности.

А снег все падал и падал. Под тяжестью пуховых снежных подушек уже начали сгибаться тонкие ветки кустарника.

Черная меховая шапочка и черный воротник шубы стали белыми, а Ирина Андреевна все так же неподвижно сидит на скамейке. Редкие прохожие смотрят на нее — не подойти ли? Либо женщине худо, либо она уснула.

Ирина Андреевна вдруг услышала, что кто-то около нее остановился. Она открыла глаза. Перед ней стоял ее ученик, Коля Сомов.

— Ирина Андреевна, почему вы так сидите? — спросил он.

— Мне нездоровится, Коля! У тебя есть карандаш? Запиши телефон и позвони из автомата мужу. Пусть немедленно приедет за мной. Он тут близко, на Ленинградском. Ты только не пугай его. Спокойно скажи.

Хорошо, что так получилось. Сейчас приедет Антон, увезет ее домой. Денька два полежит, и все в порядке. Не вздумал бы он только вызывать неотложку. Попадет в больницу, а там продержат дней десять. Ей нельзя болеть: второе полугодие, кто заменит в школе? И Наташу нельзя оставить в такое трудное время...

Нарушая все правила движения, Антон Иванович подъезжает на машине прямо к скамейке. Если Ирина Андреевна вызвала его сюда, значит, ей очень плохо. Не такой это человек, чтобы напрасно беспокоить его.

Ирина Андреевна сидит, откинувшись на спинку скамейки. Бледная, с посиневшими губами.

— Ты можешь встать? — спрашивает он ее, а сам страхивает снег с шапочки, нагибается и целует щеку.

— Да, да. Могу. Только не в больницу. Мне совсем хорошо.

Теперь, когда Антон Иванович здесь, и она понимает, что все будет сделано так, как нужно, из глаз полились неудержимые слезы.

— Ну что ты, миленькая, ну не волнуйся! — утешает ее, как ребенка, Антон Иванович.

Он усаживает жену рядом с шофером, и через пять минут они поднимаются на лифте в свою квартиру. Теперь все хорошо. Ну чего так испугалась бабушка? Села на стул — и ни с места. Как будто ноги у нее отнялись. Напрасно она волнуется, все обойдется. Хорошо, что нет Наташи. А то тоже перепугалась бы!

Зачем Антон вызывает неотложную помощь? Не надо! Но, когда врач сделал укол, Ирине Андреевне стало действительно хорошо. Спать, спать!.. Она закрыла глаза и поплыла куда-то от всей этой суматохи, непонятного страха, от горьких, беспокойных мыслей.

...Антон Иванович тихо закрыл дверь комнаты, где заснула жена, и пришел в кухню. Екатерина Павловна, вытирая слезы, спросила:

— Дать обед?

— Нет, не хочу. Бабушка, вы не волнуйтесь. Врач сказал, что, вероятно, сильный приступ стенокардии. Завтра сделают электрокардиограмму, и все будет ясно. Устала она, переутомилась.

Екатерина Павловна, всхлипывая и непрерывно вытирая слезы, сказала:

— Не от одной усталости это. Как говорится, сердце печаль изнуряет. Расстроилась она очень из-за Наташи.

— А что такое? — удивился Антон Иванович.

— Она не велела мне говорить, да теперь уж все равно. Наташа намекнула ей, что вроде она не родная.

— Как — не родная? Кто мог это сказать?!

— Не шуми ты, потише! От Ваниных идет. Больше никому. Динара мне прямо сказала: дескать, сирота Наташа.

Антон Иванович весь побагровел:

— Как так?..

— Не кричи! Потише! — повторила Екатерина Павловна. — Не хотела я ни тебе, ни Ирине рассказывать, не хотела тревожить вас, но теперь уж все равно. Было этой зимой, на Наташины каникулы. Сажу я в садике, вдруг подходит ко мне эта Динара. «Как живете, бабушка?» — спрашивает она меня. «Ничего, — говорю я ей, — живу, хлеб жую». А сама думаю: пронеси тебя нечистая сила! «Видали, — спрашивает, — нашего Женю?» — «Конечно, — говорю, — видела». — «Вот, — говорит она, — какого человека я воспитала! Не курит, не пьет, учится хорошо. Его, говорят, направляли в художественное училище, из него скульптор мог получиться, а он захотел стать авиационным инженером». Я молчу. Думаю, если сказать тебе по совести, как ты его воспитывала, шуму не оберешься. А она горжетку лисью поправила и говорит: «А Наташа выросла интересной девушкой. Не красавица, а симпатичная». Видал? Думаю, и у осы мед есть. Но молчу. Тогда

она спрашивает: «В вуз поступать собирается?» Я говорю: «Ну как же, собирается в педагогический. А не поступит — пойдет работать пионервожатой. Детишек, — говорю, — любит». — «А у меня, — говорит Динара, — такое впечатление, что она замуж за Женю собирается». Я рта не раскрыла, как она выпалила: «Я, — говорит, — не против. Оба они сироты, пусть женятся». Я как вскочила! «Какая она тебе сирота при живых родителях!» Ну, я в сердцах-то ей вспомнила, как она племянника воспитывала, еще кое-чего добавила. «Вы, — говорит она, — человек старый, и я не могу с вами связываться». Повернулась и пошла. А я вслед: «Ты, — говорю, — старше меня! Я за новую жизнь, за хороших людей, а ты, ты старорежимная!» Сказала, да и расплакалась, вот как сейчас.

— Какая подлость! — взявшись за голову, простонал Антон Иванович. — Я так этого не оставлю!

— А что ты с ней сделаешь? Из партии исключишь? Таких туда никогда не брали. Из профсоюза выгонишь? Она всю жизнь в безработных состоит. В суд подашь? Сраму наберешься. Она тебя запачкает так, что не сразу отмоешься. Лучше сами расскажите Наташеньке, и все как-нибудь обойдется.

Антон Иванович сидел убитый. Это он виноват. Расчувствовался когда-то с Федором и рассказал о Наташе. А тот болтался своей жене. И вот результат.

С Федором у него разговор впереди. Он никогда не простит ему этой оплошности. Но главное сейчас — объясниться с Наташей.

Наташа вбежала в квартиру с испуганными глазами.

— Что с мамочкой? — вскрикнула она.

Внизу лифтерша ей сказала, что мать привезли «чуть живу».

— Ничего, успокойся!

Антон Иванович обнял ее. Наташа зарыдала, прижалась к нему и сквозь рыдания все спрашивала:

— Что, что с ней? Ты скажи, не скрывай.

— Сердечный приступ. Ну, это бывает у людей и проходит.

Но Наташа не могла никак успокоиться. Она продолжала плакать.

— Наташа! Мне надо с тобой поговорить откровенно, — сказал серьезно и сухо Антон Иванович.

Наташа вдруг вспыхнула и сразу перестала плакать. Она догадалась, о чем будет речь.

— Мне бабушка сказала, что у вас с матерью был разговор, который разволновал ее. Было это?

Наташа сидит с опущенными глазами и не отвечает.

— Наташа! Я тебя спрашиваю.

— Да, был.

— Расскажи, какой.

Наташа опять молчит.

— Дочка! Я не могу так разговаривать. Почему ты не отвечаешь? Или у тебя не хватает мужества сказать мне откровенно?

— Скажу, — тихо проговорила Наташа. Она подняла опущенные глаза, посмотрела прямо на отца и спросила: — Правда, что я не ваша дочь?

— Нет, неправда, — твердо ответил Антон Иванович. — Это ложь, гадкая, скверная. Ты наша любимая, дорогая, одна-единственная дочь. Но родила тебя не Ирина Андреевна. Слушай, я расскажу тебе все. Это лучше сделала бы твоя мать, но приходится мне рассказывать. Выслушай, а потом можешь сама решить, чья ты дочь и кто твои родители...

Ирина Андреевна долго не могла понять, где она и что с ней. Еще действовало наркотическое средство, которое ввели ей с уколом. Она находилась в необычном, полубредовом состоянии. Ей казалось, что она лежит где-то в большом вестибюле с колоннами. Но странно! Вещи стоят ее, давно знакомые. Вот шкаф, вот кровать Антона Ивановича.

Где она, что с ней? Сознание медленно, постепенно восстанавливало события дня. И, как только она поняла, что больна и лежит у себя дома, — исчез вестибюль, и она увидела свою давно знакомую комнату.

Как некстати эта болезнь! Антон, наверное, волнуется. А Наташа? Где она? При воспоминании о дочери вдруг снова заняло сердце. Опять этот проклятый, мучительный вопрос! Лучше закрыть глаза, лежать неподвижно и ни о чем не думать.

Кто-то тихонько приоткрыл дверь и тут же закрыл ее. Ирина Андреевна поняла — Антон прислушивается, не зовет ли она. Никого ей не надо! Не может, не в силах она говорить...

Когда через час она снова проснулась, ей сразу захотелось увидеть и мужа, и мать, и Наташу.

— Антоша! — позвала она, И, хоть сказала совсем тихо, в сердце отдалось болью.

Тут же вошел Антон Иванович.

— Ну, как ты себя чувствуешь? — спросил он.

— Хорошо, — еле шевеля губами, сказала она.

— Ну, я очень рад за тебя, — сказал Антон Иванович, а сам, глядя на ее бледное лицо и бескровные губы, подумал: «Нечего сказать — хорошо! Тяжело ты заболела, моя любимая, родная!» — Можно войти Наташе? — спросил он. — Она ждет.

— Ну конечно!

Наташа давно стояла около двери. Как только Антон Иванович повернул голову в ее сторону, она вошла. Увидав изменившееся лицо матери, она заплакала и опустилась на колени около кровати:

— Мамочка! Родная! Золотко мое! Я так испугалась!

— Наташа! — строго сказал Антон Иванович, положив руку на плечо дочери. — Так нельзя. Ты не волнуй маму. Вот смотри, и она плачет.

Слезы катились по щекам Ирины Андреевны и таяли на подушке. У нее совсем не было сил пошевелиться. Антон Иванович взял платок и стал нежно вытирать лицо жены.

— Ну я прошу тебя, не волнуйся! Ничего страшного нет, полежишь несколько дней и выздоровеешь.

Помолчав минутку, он сказал спокойно:

— Мы тут, пока ты спала, поговорили откровенно с Натшей.

Наташа его перебила:!

— Папка! Я сама все скажу. Мамочка! Хорошая моя! Я все знаю и люблю тебя крепко-крепко, на всю жизнь. И ты сейчас совсем, совсем не думай об этом. Ты выздоровеешь, я получу аттестат, и мы поедем с тобой вдвоем в Ленинград. Ляжем валетиком, и я буду есть гренки. Ладно? И ты мне все, все расскажешь сама. О войне расскажешь, о разрушенном Ленинграде, о том, какая я была тогда маленькая. И ты мне покажешь этот дом на канале Грибоедова. Ладно? А я тебе, мамуся, расскажу свой секрет.!

На ухо матери Наташа шепнула:

— О Жене...

Случись Ирине Андреевне начать жизнь с того дня, когда она приехала в освобожденный Ленинград, она повторила бы все сначала. Пускай были заботы, хлопоты, огорчения. Они забудутся. Но счастье, которое выпало на ее долю, останется с ней...

Цена 24 коп.

150